

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

НОВИНКА!

СТОКРАТ

ФЭНТЕЗИ

Марина и Сергей Дяченко

Стократ

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2884715
Дяченко М.и С. Стократ: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55157-6

Аннотация

По дорогам сказочного мира идет человек с мечом. Мир зыбок: магия и войны, забытые народы и подземные твари, деревья, пожирающие время, и сражения звезд в ночном небе. Кто он, Стократ, чего ищет, чего хочет? Найдет ли средство сохранить этот мир, спасет ли девушку со странным именем – Мир?

Новый «роман в историях» Марины и Сергея Дяченко, словно канатоходец, балансирует на грани фэнтези и притчи. Чего в нем больше – решать читателю.

Содержание

I	4
Часть первая	5
Глава первая	5
II	52
Глава вторая	55
III	98
Глава третья	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Марина и Сергей Дяченко

Стократ

Роман в историях

I

...Я расскажу тебе, как был создан наш Обитаемый Мир, Вень-Тэ, что на языке звезд означает «Мерцающий». Сначала была пустыня без воды, без снега и тумана, без животных и людей. Один только камень. А над камнем были звезды. Одна из них родила искру. Маленькая искра полетела вниз и упала на камень, а у нее внутри, в прочной оболочке, как ядро в орехе, спал наш Создатель. Когда звезда упала на камень, он проснулся от удара. И, просыпаясь, он создал наш мир, не постепенно, а сразу, целиком. Он создал ледяные кряжи на севере и желтые пустыни на юге, страшные леса на востоке и чудовищ глубоко в земле. Он создал добрых людей и злых, магию, чтобы творить чудеса, и магов, чтобы владеть ею. Но самое главное – он создал тысячелетия нашей истории, и все, что есть сейчас, было всегда. Леса стояли, и чудовища прятались в норах задолго до того, как звезда родила искру, и наш Создатель в скорлупе упал на камень...

Ты можешь в это поверить?

Часть первая

Глава первая

Мир

Они вошли и остановились, будто сбившись с дороги. В таверне было темно и душно, кое-где на столах чадили жирные свечи, и ничего не стоило принять посетителя за тень. Или тень, рассеившуюся в дальнем углу, – за посетителя.

Незнакомцев заметили многие, но никто не удивился. После того, как на севере вдруг разлилась Светлая, снося мосты и переправы, выгоняя людей из лачуг и хороших домов, бродяги всех сословий перестали быть редкостью в этих местах. Пришлые люди, поддаваясь на расспросы, говорили одно и то же: река никогда еще не проделывала с людьми такого, что позволила себе в этом году, безо всяких причин и предвестников.

А теперь пришли эти двое; служанка за прилавком подняла бровь. Стократ, сидевший, по обыкновению, лицом к двери слева от входа, оторвал взгляд от кружки со скверным пивом.

– Только не здесь, – сказала девушка.

Никто, кроме ее спутника, не слышал этих слов, но Сто-

крат умел читать по губам.

– Только не здесь, – повторила девушка. – Уж лучше в лесу.

Капюшон скрывал верхнюю половину ее лица, губы двигались еле-еле, крылья тонкого носа раздувались. Стократ представил, как из-под капюшона она оглядывает таверну – лужи на полу, липкие столешницы, затылки дремлющих пьяниц. Как вдыхает неповторимый запах «Серой шапки» – и хорошо, что дым и чад забивают прочие мерзкие запахи. Она брезглива, она выросла в хорошем доме; конечно, «только не здесь».

Компания браконьеров в углу обеденного зала замолчала, с интересом приглядываясь.

– Молодым господам чего-то надо? – осведомилась служанка. – Пива? Браги? Вина?

– Кипятка, – быстро сказал мужчина. – Две кружки.

В углу засмеялись. Девушка плотнее закуталась в мокрый плащ. Полы его дрожали: девушку колотил озноб.

Откуда, подумал Стократ. И, главное, кто такие? Чья-то горничная воспользовалась суматохой и сбежала со стражником? Так ведь нет, горничные, даже самые избалованные, обычно шире в кости и куда смелее, а стражники, сколь угодно юные, не просят в тавернах кипятка. Их смыло с родного места водами Светлой? Но где их семья, где обоз, где слуги?

Служанка тем временем набрала кипятка в две кружки – остывшего, разумеется. Мужчина и девушка сели рядом, ло-

коть к локтю, за ближайший к двери столик – как раз напротив Стократа. Он откинулся назад, чтобы лицо оставалось в тени, готовый слушать – или наблюдать – их беседу.

Но они молчали.

Руки девушки в черных перчатках были похожи на птичьи лапки. Она все силы тратила, чтобы не расплескать воду, и все равно немного расплескала на нечистую столешницу. Ее спутник выпил кипяток чуть ли не залпом. Очень устали и замерзли, отметил Стократ.

– Пойдем, – наконец сказала девушка.

– В лесу холодно, дождь... и звери, – неуверенно отозвался ее спутник. – И... тебе надо отдохнуть.

– Я могу ехать всю ночь. Мы просто опустим полог.

– Лошади устали.

– Мы поедем медленно. Я могу идти пешком.

– Послушай, – он несмело коснулся ее руки. – Ты... не бойся. Здесь нечего бояться. Это простые грубые люди... Мы только переночуем.

Они не любовники, отметил про себя Стократ. Парень совершенно неопытен – как с женщинами, так и в делах дороги. Потому что вон тех браконьеров следует очень, очень бояться. И они уже положили глаз на девушку.

Стократ прищурился. Лучшее, что могут сделать юные путники в такой ситуации, – потребовать комнату, запереться и приготовить оружие. Под крышей таверны свои законы, здесь есть шанс уцелеть. В лесу – ни единого.

– Мы не можем тут ночевать, – упрямо повторила девушка. – Они нас догонят!

Хм, подумал озадаченный Стократ. Кто – «они»?

Мужчина посмотрел на дно своей кружки. Поиграл желваками; он был светловолос, безбород и старался казаться суровым, но ничего не решал. Решила девушка. А за нее решил страх.

Браконьеры в углу посверкивали глазами.

– Пойдем, – ее губы едва шевельнулись, Стократ скорее угадал, чем прочел это слово.

Мужчина решительно поднялся.

– Спасибо, хозяйка, – он положил на прилавок серебряную монету.

Стократ покачал головой: назвать служанку хозяйкой можно, конечно, хоть и глупо. Но расплачиваться серебром за две кружки остывшего кипятка... Этот человек впервые путешествует. Либо впервые путешествует без прислуги.

Снова открылась входная дверь. Закачались огоньки. Тяжелый воздух таверны дрогнул, пропуская свежесть и холод, и снова сомкнулся, и вонь сделалась сильнее. Дверь за путниками захлопнулась.

Служанка взяла монету с прилавка. Браконьеры зашевелились, переглядываясь. Их было пятеро, пять здоровенных молодых быков, давно живущих под тенью виселицы. Браконьера ловят, когда он шалееет от безнаказанности, – а пока не утратит всякую осторожность, браконьера в этих лесах пой-

мать нельзя.

Они договорились выждать, но нетерпение взяло верх. Всего через несколько минут вскочил самый младший, потом и остальные поднялись, загрохотав скамьями. Посмеиваясь, почесываясь, двинулись к двери – старший оставил служанке еще одну серебряную монету. Одну монету за все, что пятерка выпила и съела за вечер.

Лесорубы-пьяницы дремали в обнимку с кружками. Под закопченным потолком плыл басовитый храп. В таверне сделалось пусто и мирно. Самое время подняться наверх, стянуть мокрые сапоги и наконец-то разлечься в кресле у каминна...

Сосчитав до ста, Стократ поднялся и кивнул служанке:
– Я скоро вернусь.

* * *

Он пошел пешком. И правильно сделал; чувство опасности отказало браконьерам настолько, что они не стали даже ждать, пока жертвы углубятся в лес. В ста шагах от частогокола, на поляне среди сосен, девушка могла кричать сколь угодно отчаянно – лес шумел, а ставни в таверне были плотно закрыты.

Да и кто в эти смутные дни рискнет встать между голово-резом и его жертвой?

Спутник девушки неподвижно лежал на земле. Вот так

браконьеры и становятся разбойниками – один мертвец, другой, а дальше нет им счета. Приземистый мужичина в остроконечной шапке чистил карманы путника, четверо других искали любви.

Девушка сопротивлялась яростно и удачно. Ей даже удалось поначалу вырваться. Ей удалось пробежать несколько шагов, прежде чем ее догнали и повалили, и она каким-то чудом снова выскользнула из-под разгоряченных туш, от рывка ее дорожное платье разошлось по шву. Браконьеры никогда не видели такого тонкого и прочного белья; впрочем, любая материя поддается хорошему ножу. Через мгновение девушке приставили к горлу клинок, рассекли шнуровку корсета...

– Эй, да она паршивая! – шустрый браконьер отпрянул. – Это не зараза? Это у нее не зара...

Красное лезвие вылезло из его груди раньше, чем он успел закончить фразу.

Луны не было. Пара факелов дымно горела на земле. Мокро, сыро, пар изо рта; повалился на землю второй, завизжал и рухнул третий. Хуже всего, думал Стократ, если здесь найдется умник. Умник успеет сбежать, и гоняйся за ним потом по темному лесу...

Но обошлось. Умирая, двое последних даже сопротивлялись. Даже выкрикивали угрозы. Пожалуй, им до последнего мига казалось, что их пятеро против одного...

Он закончил. От запаха крови чесались ноздри. Шесть

неподвижных тел валялись на траве в свете факелов. Стократ снял с приземистого разбойника его войлочную остроконечную шапку и тщательно вытер клинок.

Девушка пыталась укутаться в обрывки платья, будто ящерица в сброшенную шкурку. Лоскутки ткани открывались, как лепестки, обнажая тонкую кожу; Стократ подобрал факел с земли. Метнулись тени.

От страха девушка попыталась свернуться, как ежик. Голая спина осталась беззащитной; Стократ присмотрелся. Что это?

Кожа ее была покрыта тончайшей сеточкой, со вплетенными в нее буквами и символами. Стократ поднял огонь повыше, всматриваясь, и тут его огрели дубиной по голове.

* * *

Этот идиот, ее спутник, был слаб и ранен, зато дубина браконьера окована железом. Стократ, напротив, был крепок и отделался огромной шишкой – зато наконец-то пришел в ярость, и это было приятно. Он не убил дурака только потому, что дурак, ударив, повалился сам: видимо, браконьерская дубина и его успела приложить по темечку.

Счастливчик.

Снова начался дождь и быстро перешел в ливень. Капли стучали по лицам мертвых браконьеров, попадали в раскрытые рты, придавали выпученным глазами видимость жизни.

Спутник девушки пытался встать – и все время падал.

Стократ стянул рабочие перчатки, вывернул, спрятал в сумку. Подобрал свой плащ, аккуратно сложенный под деревом. Дождь был ему на руку: прогулка по высокой траве смое брызги крови с сапог. Не глядя на девушку и ее спутника, он повернулся и быстро зашагал к таверне.

Парнишка-конюх стоял у ворот, тревожно слушая сосны. При появлении Стократа встревожился еще больше.

– Ворота держи закрытыми, – велел Стократ. – И не маячь здесь.

– Это... пошаливают? – парнишка смотрел на лес. – Тут двуколка... та, которая... этих, которые... она, короче.

Лошади оказались умнее путников и вернулись к жилью, волоча за собой легкую двуколку. В таких колясках можно гулять вокруг поместья, но не пускаться в далекую дорогу; двуколка и раньше была неисправна, а испуганные лошади разбили ее в хлам.

– Пошаливают, – согласился Стократ. – Лошадей выпряги, повозку на дрова, вещи сохрани. Я проверю.

Парнишка втянул голову в плечи.

В этих местах не знали Стократа. Во всяком случае, не знали в лицо. Но парнишка, чья жизнь зависела от умения разбираться в проезжих людях, все понял правильно.

Дождь сделался реже. Стократ протянул конюху монету:

– За мной и запрешь... Эти-то, лихие люди. Возьмут добычу да и перережут друг друга. Как думаешь?

– Возьмут добычу, – повторил парень, будто во сне, – да и перережут...

– Хорошо.

Лошади приезжих пошли за ним, как привязанные. Вместе с ними Стократ вывел свою кобылу и, плотнее застегнув плащ широкой медной пряжкой, вернулся к месту бойни. Пять трупов лежали, где он их оставил. Шестой – недобитый – ухитрился за это время пройти десяток шагов к таверне, на этом его силы закончились. Теперь он сидел на тропинке, а девушка в разорванном платье причитала над ним:

– Я без тебя не пойду... Дан... Вставай, пожалуйста...

При виде Стократа она замолчала, будто глотнув горячей каши.

– От кого бежим? – спросил он сверху вниз.

Она молчала.

– Я просто решаю, помогать вам или нет, – объяснил Стократ. – Так от кого бежим?

Она плотнее сжала губы.

Стократ подумал еще – и бросил ей свой плащ.

* * *

Раненого Стократ усадил на свою лошадь – мужчина едва держался в седле. Руки у него были нежные, как у знатной девушки.

– Кто ты? – спросил его Стократ. – Музыкант? Учитель?

Бастард?

– Знаток этикета, – сипло сказал мужчина. – Протокол, хорошие манеры, правила приличия.

Стократ подумал, что он, возможно, бредит.

Больше не разговаривали. Девушка не могла ехать без седла, и поначалу шла, с трудом переставляя ноги. Потом Стократ не выдержал и усадил ее на лошадь перед собой; у нее не было сил сопротивляться. Как-то само собой оказалось, что он не столько ведет их, сколько конвоирует.

К утру добрались до «Черного уха», маленькой таверны по другую сторону леса. Здесь было чище и теснее, чем в «Серой шапке». Стократ объяснил Хозяйке-Роз, что подобрал путников в лесу – их начисто ограбили и чуть не убили разбойники.

Оставив путников на попечение хозяйке, он вышел прогуляться. Лес вокруг «Уха» был спокоен, сороки не трещали, проезжая дорога поросла травой; двуцвет нашелся почти сразу – у ручья. За «волчьей подушкой» пришлось походить по округе. Возвращаясь, он разминал зелень в ладонях, так что на порог гостиницы вступил, окутанный резким травяным запахом.

– Хозяйка! Кринку, ложку, кипятка!

Мужчина – Стократ про себя звал его Правила Приличия – уже лежал на перине в комнате наверху, и голова его была перевязана. Девушка сидела на краю постели, как была, в мокром плаще Стократа, и сидя дремала; когда Стократ

вошел, открыв ногой дверь – в руках у него была кринка с заваренной травой – она проснулась и вскочила.

Он поставил кринку на стол. Лизнул ладонь, выпачканную соком, поморщился:

– Очень горькое. Пить обязательно.

Мало кто мог сопротивляться, когда он говорил таким тоном, но девушка попыталась:

– Я ничего не хочу... Просто оставьте нас в покое...

Он плеснул из кринки в кружку, наполнил до половины. «Оставьте нас в покое», надо же. Небось еще и читать умеет.

Он протянул девушке кружку, и она взяла. И выпила под его взглядом – хоть с первого глотка у нее глаза на лоб полезли. По-хорошему, следовало напоить и Правила Приличия, но тот интересовал Стократа куда меньше.

Он запер дверь на засов. В комнате было тепло – внизу топилась печка, труба выступала из стены массивной кирпичной колонной. За окном едва серело позднее пасмурное утро.

Стократ зажег все свечи, какие нашел в глубоком дубовом шкафу. Кивнул девушке:

– Снимай с себя все.

Она колебалась секунду. Потом вскинула голову – и очень красноречиво начала раздеваться.

Каждым движением она говорила: можешь делать, что хочешь. Но оскорбить меня не сумеешь. Тебе не под силу меня оскорбить. Ты только сам замараешься; я выше любых тво-

их грязных намерений. Раненый на постели закрыл глаза – он, наоборот, считал себя уязвимым и виноватым. Он предпочел бы умереть от разбойничьего ножа, только не лежать при этой сцене беспомощным свидетелем.

Стократ устал от беззвучного пафоса, которым насыщали комнату эти двое. Он подошел к окну и стал смотреть на маленький двор, пустой и залитый дождем, на коз под навесом и кур, бродящих по желтой земле; когда длинный вздох сообщил ему, насколько же девушка его презирает, – обернулся, взял свечу со стола и наконец-то посмотрел.

Никогда прежде ему не доводилось видеть подобного. Узор покрывал ее плечи и спину – полностью, спускался на поясницу и целомудренно таял на ягодицах. Узором была покрыта правая грудь, левая – до половины. Живот, руки и ноги были чистыми – нормальная белая кожа, в пупырышках холода, хоть в комнате все больше сгущалась теплая духота.

Стократ почувствовал странное беспокойство. Он знал, что люди разных племен и кланов по-разному украшают своих женщин; он повидал всякое – и стальные кольца в носу, и живые цветы, укорененные в пупках. Но то, что он видел теперь, не было украшением.

Ниже основания шеи, слева, бугрились шрамы. Как от ожогов – три старых рубца. Еще один, один свежий, розовый – прямо посередине спины. На левой лопатке – длинный глубокий порез и следы от ниток, когда-то его зашивших (неровно и плохо зашили, подумал Стократ, руки бы

оторвать такому лекарю). На левом плече был еще один порез, совсем свежий, с каплями запекшейся крови. Девушка стояла, гордо выпрямившись, но вздрогнула, когда он коснулся рубцов кончиками пальцев.

Причудливые буквы складывались в слова – сперва он прочитал «Северный», и тогда перед его глазами будто пленка лопнула: «Северный Град». «Домна». «Старынь». «Дубрава». «Ручейник». «Светлая»...

Картина обрела смысл: эти мягкие линии – реки. А эти точки, иногда совпадающие с родинками – города. А край рисунка – побережье, за ним – немного человеческого моря, исследованного рыбаками, и исчезающая кромка неисследованного, нечеловеческого, где нет даже рыбы. Карта Обитаемого Мира в мельчайших деталях, и, присмотревшись, можно различить небольшие поселки, границы мелких владений...

Свечи чадили, воняли и ничего не освещали. Стократ подошел к окну и рукавом оттер испарину, выступившую изнутри, застлавшую тусклый свет. Заодно проверил – нельзя ли заглянуть в окно снаружи. Без очень длинной лестницы – нельзя.

Вышло солнце – будто дожидалось этой минуты.

Все так же молча он подвел девушку к окну и развернул спиной к свету. Шрамы на правом плече: будто кто-то приложил раскаленную трезубую вилку. Три рубца обезобразили кожу на месте владения Загоры в Лесном Краю.

Стократ протер глаза кулаком. Пожары в Лесном Краю, закрывшие дымом небо на несколько лет, погубившие урожаи, обрекшие на голод тысячи людей – с тех пор прошло три года; тогда, помнится, полыхнуло сразу в трех местах...

В трех местах!

Четвертый, свежий рубец приходился на древнюю столицу Выворот. Теперь там развалины и головешки. После пожара, случившегося полгода назад, люди там не селятся. Властитель Вывор, когда-то господин огромного плодородного края, пропал без вести. Скорее всего – сгорел вместе с городом, замком и семейством, и земли на левом берегу Светлой отошли владельцу Грану...

Стократ понял, что в комнате очень холодно. Стыло и мокло, хоть от кирпичной трубы шло к потолку сухое тепло. Солнце спряталось.

Он сел за пустой деревянный стол. Оперся локтями о столешницу.

Перепрыгивая через сто вопросов, спросил отрывисто и зло:

– А что будет, когда ты умрешь?

Она не ждала таких слов. Ее гордо распрямленная спина чуть ссутулилась.

– Ну, ты же не собираешься жить вечно? – он хотел подбодрить, но получилась угроза.

– Оставь ее в покое! – слабым, но яростным голосом заговорил вдруг Правила Приличия. – Тебе ничего не пройдет

даром! Ты за все ответишь! Ты...

Стократ повернул голову:

– И где ты собирался ее спрятать? И от кого?

Никто не ответил.

Стократ открыл скрипучую тумбу. Вытащил одеяло, развернул – оно было старое, но целое, из хорошей тонкой шерсти. Подошел к девушке и укутал ее со спины, будто статую; она странно шарахнулась от его рук – что-то было в этом движении, кроме страха.

Он обнял ее.

Она застыла в ужасе. Он подумал было: может, ей больно от прикосновений? Он разжал руки, но тут колени девушки подломились, и он был вынужден снова подхватить ее – чтобы не грохнулась на пол.

– Кто это с тобой сделал?

Она дрожала, как лист:

– Колдун.

– Ясно, что не подпасок. Имя?

Она открыла рот, будто собираясь сказать – и закашлялась.

– Ладно, – он усадил ее на край кровати. Поправил одеяло на ее плечах. Сам уселся на скрипучий стул под окном. – Давай по порядку.

Ее звали просто и незатейливо – Мир.

– Миранда? Мирабелла?

Нет, просто Мир. Она была незаконнорожденной дочерью владельца Грана, не крупного, но и не мелкого властителя земель, расположенных между двух притоков Светлой – Домны и Старыни.

У Грана не было других дочерей. Все его законные дети и бастарды были мальчиками. Он любил Мир, как любят домашнего ласкового зверька.

Когда Мир было четырнадцать лет, в замок приехал настоящий колдун. Властитель приказал дочке явиться к ужину; колдун был страшен и смотрел только на Мир.

На другой день она заболела.

Ее мучил жар. Одолевала лихорадка. Колдун сказал, что вылечит Мир, и увел к себе в комнату. Что там было, она не помнит, потому что колдун усыпил ее сонной травой; в части снадобий этот колдун был знаток – куда там самой мудрой травнице.

Через несколько дней она проснулась у себя в спальне здоровая, только кожа на спине немного пощипывала. Колдуна уже не было в замке, но слуги шептались, и от Мир не укрылась страшная новость: он сказал, что заберет ее. Через год или два, когда она подрастет, – колдун вернется и заберет ее

навсегда.

Ей было очень жутко в первые месяцы. Но все забывается; скоро визит колдуна превратился в страшное воспоминание, похожее на сказку. И жизнь вернулась в привычное русло, и так было, пока младший сын властителя, играя с маленьким луком, не оцарапал девушке плечо деревянной стрелой без наконечника.

Тогда Мир заболела второй раз. Ее снова мучил жар, и мерещились страшные глаза колдуна. В лихорадке она провалялась почти неделю. Все сильнее щипала кожа на спине и боках. А когда жар ушел – Мир увидела в зеркале узор, покрывавший ее кожу.

От отца ничего не удалось скрыть – няньки доложили. Он явился и долго разглядывал спину и плечи дочери, и в особенности ранку от стрелы, которая совпала с Гремячим портом в устье Светлой. А на завтра пришли вести: в порту случилась крупная стычка между двумя кланами контрабандистов, пролилось немало крови, теперь подешевеет жемчуг и подорожает сладкий тростник.

Ранка зажила. Узор на коже остался. Властитель Гран запретил Мир покидать замок под любым предлогом.

Еще через несколько дней отец призвал ее к себе. Он был страшно возбужден, и, кажется, немного пьян. Он что-то болтал о магии, о власти над миром, и что не отдаст Мир колдуну; он велел девушке распуścić шнуровку платья и приложил к ее плечу раскаленную вилку.

Скоро небо подернулось дымом: стало известно, что горит Лесной Край, и что загорелось сразу в трех местах...

– Опиши мне этого колдуна.

– Он... высокий. У него седые волосы до плеч и загорелое лицо.

– Так он старик?

– Да, старый. Но очень сильный.

– И что же, властитель Гран спокойно жег тебя раскаленным железом?

– Не спокойно. Он был... будто немного сумасшедший.

– Ясно. Что было дальше?

– Солнца не видели много дней, все небо в пепле... То есть у нас еще ничего, у нас урожай собрали. А там... Сотни погибли, а тысячи пришли на земли Гран за кровом и защитой...

Стократ слушал, отмечая про себя, как она говорит. То сбивчиво, а то вдруг как по писаному, но не оттого, что врет. Интересно.

– Где сейчас этот колдун, Мир? – он оборвал ее на полуслове.

Она вздрогнула. Видно, этот вопрос волновал и ее тоже.

– Он... Я не знаю. Отец все время ждал, что он вот-вот вернется. Вроде получал от него письма...

– Колдун хотел забрать тебя?

– Да. Я была ему зачем-то очень нужна.

– А он знает, что ты убежала?

Мир беспомощно поглядела на своего спутника.

– Ладно, – сказал Стократ. – Мы остановились на пожарах в Лесном Краю. Что было дальше?

– После пожаров отец решил меня спрятать. Запер... в моей комнате, там решетки были на окнах... И я там сидела.

– Что, все время?

– Все время, – вдруг заговорил Правила Приличия. Его голос звучал, как скрип дверных петель. – Она сидела взаперти. Ее не выпускали даже на двор! Как будто в тюрьме... Три года...

Стократ поднялся и прошел из угла в угол. И снова: взад-вперед. Да, теперь много что становится понятным. И ее манера речи – тоже. Она разучилась говорить с людьми, зато, вероятно, привыкла думать про себя кусочками прочитанных книг.

– Ты кто такой? – Стократ обернулся к мужчине.

– Учитель хороших манер, я же сказал.

– И как ты с ней познакомился?

– Властитель Гран хотел... ну, он же собирался... короче, он стал известным в округе, ему надо было учиться соблюдать этикет... Мой старый учитель надоумил: сходи к Грану, предложи свои услуги, он оценит...

– Оценил? – Стократ развернул стул и уселся теперь верхом.

– Да... Я пять толстых книг по этикету помню наизусть: как входить в зал, как выходить, как рассаживать гостей, ка-

кими словами приветствовать при рождении ребенка, какими – соболезнавать...

– Заткнись.

Правила Приличия мигнул:

– Вы же сами... меня спросили.

– Точно, – Стократ покачал носком сапога. – Извини.

Итак, ты учил их приличиям...

– Консультировал.

– Видел этого мага?

– Нет. Когда я пришел, его уже там не было. Но все его помнили. Все вроде как уговорились его не поминать, и все равно поминали: вот, мол, скоро он вернется.

– Ясно... Ты их учил этикету, и тебя познакомили с девушкой?

– Нет. Я сам... То есть случайно. Ей носили еду... и я однажды подкупил поваренка.

– Отважный поваренок, – вслух подумал Стократ.

– Просто глупый. И жадный.

– Согласен. Дальше?

– Дальше я увидел Мир. Как она сидит одна в запертой комнате. У нее там были книги... Она все прочла по несколько раз. Пяльцы, рукоделье всякое...

– Просто тюрьма, – тихо сказала девушка.

– Ясно, – Стократ покачался взад-вперед. – И между вами началась сердечная дружба.

– Да нет же! Я не мог к ней попасть! Просто приходил в

тот уголок двора, где она могла видеть... Из окна...

– И поваренок, надеюсь, не попался.

– Да. То есть нет, не попался. Я ему платил, чтобы хоть иногда заглядывать... На пару минут...

– Так-так-так, – Стократ прищурился. – Мир, за время, что ты сидела взаперти – сколько раз ты видела отца?

– Нисколько, – она опустила глаза.

– Ты говорила – он вроде был к тебе привязан?

– Был... Но потом испугался. Того, что на мне... вот этого. Спрятал, убрал с глаз долой... Думаю, он очень ждал колдуна – чтобы меня отдать, наконец.

– Понятно, – Стократ поглядел на высокий, довольно-таки белый гостиничный потолок. – Такая магия – не для властителей.

– Да, – девушка глубоко вздохнула. – Наверное, отец... властитель все-таки додумался за эти годы. До того, о чем ты сразу спросил.

– Что я спросил?

– Что будет, когда я умру? – Девушка поглядела ему в глаза. – Весь мир умрет вместе со мной?

В комнате сделалось тихо. Слышно было, как тяжело дышит Правила Приличия на кровати.

– Но у тебя на спине не только эти ожоги, – сказал Стократ.

– Да. Когда мне исполнилось семнадцать, он опять...

Она провела ладонью мимо лица, будто отводя занавеску.

Стократ подметил этот жест. Скорее всего, так она боролась со своими страхами – девушке, несущей на теле живую карту Обитаемого Мира, временами должно быть очень страшно в одиночестве.

– Он был со мной очень ласков... Дал вина... У меня потом сильно голова кружилась.

– Он напоил тебя и распорол тебе спину. Левая лопатка, Лысое Взгорье.

– Да, – она нервно повторила свой жест. – Крови было... много.

– И началась резня на Лысом Взгорье, – сквозь зубы про-
бормотал Стократ.

Он прикрыл глаза; тысячу лет жили рядом два рода. И вдруг поднялись в ножи. Семья на семью, деревня на деревню; не было другого объяснения, кроме врожденной свирепости горцев. Тысячу лет, мол, тлела под спудом эта свирепость – и вдруг проснулась у всех разом, от младенца до старика...

– Зачем он это сделал, Мир?

Девушка молчала.

– Ты ведь думала об этом, – сказал Стократ. – У тебя было время подумать. Зачем он это сделал?

– А почему вы меня не спрашиваете, господин? – вдруг подал голос Правила Приличия. – Я-то в это время уже был в замке! Я тоже могу...

Стократ поднял бровь. Раненый замолчал и опустил на

подушки.

– Лысое Взгорье от нас далеко, – тихо сказала девушка. – Отец хотел... повторить этот... опыт. Он хотел утвердить... Свою власть над миром. Это ведь страшная, огромная власть...

Да, подумал Стократ.

– А кто зашил? – он посмотрел на девушку. – Рана зашита.

– Да он же сам и зашил, – она говорила так тихо, что снова пришлось читать по губам. – Когда увидел, что... ну, она...

Стократ сел рядом с ней на край кровати и обнял за плечи. Правила Приличия, конечно, всю дорогу боялся к ней прикоснуться. К ней долгие годы никто не прикасался – если не считать властителя Грана с ножом и угольями, да еще насильников на лесной опушке. Стократ обнял ее, не домогаясь, ничего не желая взамен, и она моментально это почувствовала.

И через миг перестала отстраняться.

Правила Приличия на кровати разинул рот. Потом закрыл. Потом обиженно отвернулся.

– Мир, в те дни кто-то был рядом с тобой? Какая-нибудь сиделка, нянька... слепая старуха?

– Н-нет. Он боялся, что люди узнают.

– И он снова тебя запер?

– Д-да. Меня заперли в другой комнате, без окон. Еду стали подавать через окошко... Ну, спина зажала, конечно.

Стократ обнял ее крепче. Собственно, это единственное

утешение, которое она могла принять и в котором нуждалась; кожа на спине зажила, оставив шрам. Кровавая резня прекратилась, когда с обеих сторон полегли лучшие, сильнейшие, любимые сыновья и мужья, счастливые отцы. Но мира на Лысом Взгорье нет и больше быть не может...

Стократ поморщился. Важная мысль ходила вокруг головы, как муха.

– А потом? – он посмотрел на мужчину поверх девичьей макушки. – Дан, ты можешь, пожалуйста, рассказать?

Правила Приличия очень обрадовался вежливому обращению:

– Потом владетель Вывор прислал письмо. Не знаю, что он написал, только Гран заперся у себя и... Черный стал, от злости. А вечером...

– А вечером, – девушка подняла лицо и посмотрела снизу вверх. Травяной отвар уже действовал в полную силу, на щеках у нее выступил румянец. – Отец... То есть властитель Гран тогда сам напился. Он был очень пьяный, очень. Я его таким не видела. Сам пришел ко мне. Принес жаровню. Стал орать, что сожжет Выворот, выжжет все поганое гнездо... Я вырывалась, но он же сильнее. Он пообещал мне поджарить пятки, стал кричать, что изувечит меня...

– Как же вы убежали? – отрывисто спросил Стократ.

– Что?

– Судя по тому, что ты рассказываешь, вы никак не могли уйти.

– А вот могли! – Правила Приличия с трудом сел. – Властитель получил письмо, что колдун приедет за Мир, как только начнутся первые заморозки.

– Так.

– А я об этом узнал, – снова заговорил Правила Приличия. – Я к тому времени подружился с экономкой, стал своим у мажордома, пил пиво с комендантом, а уж слуги мне докладывали чуть ли не каждый день... Я узнал о письме. А тут к властителю явились с присягой верности... из людей погоревшего Вывора. Я расписал протокол приема – это моя работа, верно? И вот я расписал так, что три часа все были заняты в большой зале – все, с детьми и домочадцами, специальный слуга стоял с песочными часами... А я в это время привел лошадей и двуколку. Ключи украл заранее...

Стократ слушал. То, что рассказывал сейчас неумеха с нежными руками, резко меняло его представление об этом человеке.

– Тогда почему вас не догнали?

Он спросил – и тут же ответил вслух:

– Разлив Светлой!

Правила Приличия втянул голову в плечи.

– Мы только немного порезали кожу, – сказала Мир, глядя на него, будто успокаивая. – Переправились с лошадьми, и...

Стократ представил себе, как это было. «Мы порезали», да.

Он крепче обнял девушку, и она не только не отстрани-

лась, но и, кажется, прижалась к нему плотнее. Двух беглецов легко ловить в спокойном сонном краю, но после суматохи с наводнением, когда жители хлынули во все стороны, прочь от бурлящих пеной берегов...

– Это очень плохая история, – сказал он вслух. – Очень, очень нехорошая.

Мир прижалась к нему – теперь уже точно прижалась. Ища защиты:

– Ты сможешь нам? Ты ведь можешь нам помочь?

Он очень осторожно отстранился. Посмотрел ей в глаза:

– Расскажи мне об этом маге. Кроме того, что он высокий и седой. Что он умеет делать?

Она мигнула:

– Ну... он вроде понимал все языки и читал речь по губам. Знал все травы и их значение. И еще будто бы умел летать без крыльев...

– Будто бы – или умел?

– Я не знаю... наверное, враки. И еще он будто бы убивал злодеев волшебным клинком. Забирал их души.

– И потом пересаживал в деревья и животных, – подхватил Правила Приличия. – Там у них одна береза во дворе, говорили, что в ней сидит душа убийцы и каждый год, в годовщину убийства, – плачет. Я сам видел: стоит вроде дерево, дождя нет, и вот такие капли катятся по листьям...

Стократ второй раз за это утро ощутил странный холод.

– А как же его звали? Этого колдуна?

– Стократ. Это прозвище, а не имя... Звали его Стократ.

* * *

Двое измученных путников спали на гостиничной кровати. Они уснули одновременно и сразу – так падает, устав кружиться, детский волчок.

Босые пятки Мир выглядывали из-под шерстяного одеяла. Стократ остановился рядом; странно, но никогда раньше ни одно живое существо не вызывало у него такого желания обнять. Защитить. Утешить. Как будто она была самым хрупким ростком самого ценного на свете дерева. Или единственным ребенком самого Стократа; странно. До сих пор ему было плевать на детей.

Он укрыл ее ноги плащом, задвинул ставни и спустился вниз.

Заплатил хозяйке вперед. Толстая и веселая, Хозяйка-Роз старалась всячески услужить; лет ей было под пятьдесят, она располнела и обрюзгла, но видных мужчин любого возраста встречала, как родных.

Он сказал с хозяйкой два любезных слова. Проведал лошадей на конюшне. Договорился с конюхом насчет седел. Вышел за частокол и углубился в лес.

Кто такой, назвавшийся моим прозвищем? Зачем ему девушка? Зачем чудовищное – и бессмысленное! – колдовство?

Живая карта. Отличная идея для большой войны, если собираешься уничтожить противника, а не просто завоевать. Тень-карта; по старому поверью, наступить на тень значит навредить человеку... Но воевать со всем миром? Кому это может понадобиться?

И – главное – зачем надевать такую карту на смертного? Что станет с миром, когда Мир умрет?

Кто придумал ей имя, обеспокоено подумал Стократ. И снова неуловимая мысль, как муха, прошла вокруг головы, не приближаясь, не улетая. Мир – обитаемая вселенная. Мир – не война...

Он дошел до ручья, бегущего к Светлой, сел у воды и вытащил из ножен короткий меч.

Лезвие тускло светилось, и по нему бродили тени. Все пять душ были здесь – туманные фигурки с желтыми блиноподобными лицами: они, вероятно, ссорились, беззвучно разевая рты, пытаясь понять, что за посмертие такое, и кто виноват, и почему так тесно.

Под взглядом Стократа их движение замедлилось. Прекратилось совсем. Пять разбойничьих душ застыли, пытаясь оттуда, со стального лезвия, разглядеть своего палача.

Трое были совсем гнилые, Стократ не стал к ним даже присматриваться. Четвертый, в прошлом торговец, оказался удивительным неудачником и, пожалуй, для него можно было найти смягчающие обстоятельства. Пятый, самый старший, искренне раскаивался – а загубленных жизнью на его

совести было семь штук.

Стократ подумал. Встал, обошел вокруг дерева, примерился и вогнал лезвие в расщелину – почти до половины. Выпустил пятого со словами:

– Тянись вверх.

Душа беззвучно ушла в живой ствол.

Стократ нашел муравейник. Положил меч поперек муравьиной тропы:

– Работайте.

Три гнилые души соскочили на муравьев и тут же влились в общий строй.

Стократ подбросил меч и поймал за рукоятку. Четвертая душа балансировала внутри, растопырив руки, пытаясь удержаться.

– Беги.

Он опустил лезвие в воду ручья. Клинок мигнул и погас – пустой, он неотличим был от обыкновенного стального лезвия.

Стократ еще постоял на берегу, глядя на воду, слушая ее голос. Немного позавидовал разбойнику-неудачнику: в кои-то веки ему повезло. Ручей долговечнее дуба и куда веселее муравья. Когда мне все надоест, подумал Стократ, – уйду в ручей, стану бегущей водой...

Но сперва надо укрыть Мир от погони. Спрятать... И тогда ответить на главный вопрос: что станет с миром, когда Мир умрет?

Надо отдохнуть. Всем. Хотя бы час.

Он лег на мох под деревом и закрыл глаза.

И проснулся, когда снова начался дождь.

* * *

Плащ остался в таверне. Кроны не защищали от дождя – за ночь вымокли насквозь. Скользя в траве, иногда отряхиваясь, как пес, Стократ вернулся в «Черное ухо».

У самых ворот вдруг остановился, не обращая внимания на ливень. Ворота, с утра еще темные, разбухшие, теперь светлели новым деревом.

Что же, Хозяйка-Роз поменяла ворота?

Калитка открылась без скрипа. Он вошел во двор, чувствуя, как поднимается изнутри стылый холод.

Двор тоже изменился. Исчез второй сарай. Поменялись местами коновязь и поленница. Но все это было не важно, потому что сама Хозяйка-Роз стояла на пороге – цветущая стройная женщина чуть старше тридцати, с розой в волосах, с живым интересом в невинных синих глазках:

– Господин, да вы промокли! Скорее к очагу, скорее, уж Роз вам даст согреться!

Стократ стоял, будто вросши в землю.

– Господин, заходите! – Роз распахнула перед ним дверь. – Дорога длинная? Где ваша лошадь? Или вы, гляжу, пешком так и шагали, небось, от «Серой шапки»?

– Да, – сказал Стократ.

Еле волоча ноги, он вошел в таверну. Теперь, когда он увидел Роз, его не могли удивить никакие изменения. Таверну выстроили, похоже, всего несколько лет назад, она казалась просторнее и светлее, чем он помнил, и гостей здесь было гораздо больше, чем он привык.

Он сел за ближайший столик. К счастью, и клинок и кошелек были при нем. Он спросил подогретого вина.

– Скажи, милая хозяйка, а двое путников... мужчина и девушка, молодые, давно здесь проезжали?

– Молодожены из Припяток, – обрадовалась Роз. – С ними еще матушка и двое слуг. Неделю назад останавливались, потом дальше поехали. Эти?

– Спасибо, – сказал Стократ.

Комната, где он оставил Мир и ее спутника, была занята. Хозяйка предложила ему закуток под лестницей.

Печная труба источала тепло. Он лежал на узкой кровати, глядя на отражение своих глаз в чистом клинке. И пытался понять, что случилось.

Эти двое остались одни. За ними погоня. Властитель Гран слишком хорошо знает цену Мир. Разлив Светлой отсрочил неизбежную поимку, а не отменил ее.

Да и куда им деваться? Правила Приличия не приспособлен ни к работе, ни к бою, ни к путешествию. Мир, много лет просидевшая в четырех стенах, устает даже от короткой прогулки. Следующая шайка разбойников окажется на их пути

последней...

Но это будет еще не скоро. Сколько лет должно пройти? Двадцать? Восемнадцать? Меньше?

Он дожидался рассвета, боясь уснуть. Потом задремал и проснулся в ужасе: сколько лет минуло на этот раз, и в какую сторону – прошлое это, будущее?

Все оставалось по-прежнему. Остывала печная труба. Хозяйка-Роз встала рано и тихо возилась на кухне.

Едва стало светать, он пошел в лес. Отыскал место, где проснулся вчера. Внимательно оглядел все вокруг, узнал некоторые деревья; могучий дуб был моложе почти на двадцать лет, вместо россыпи маленьких елок росла одна исполинская ель, и только ясень у самого ручья оставался прежним. Его редкие листья пропускали свет на радость густому подлеску.

Стократ сорвал с ясеня лист. Потом развел огонь и осторожно, краешком, поднес листок к пламени. Лист загорелся, как бумага, и сквозь жилы и зеленую мякоть проступили слова, написанные на чужом языке. Стократ присмотрелся бы и разобрал надпись – но она исчезла раньше, чем он смог ее разгадать.

Огонь обжег ему пальцы. Он выпустил догорающий листок, и тот рассыпался пеплом.

– Вресень, – прошептал Стократ.

Деревья-вресени пришли из дальнего края на разоренном войной востоке. О тех лесах много и охотно врили в тавер-

нах: рассказывали, что леса порождают чудовищ. Одни питаются плотью, другие вытягивают соль из воды и почвы, третьи говорят голосами умерших. Расписывать чудовищ веселее, чем рассказывать правду о вресене: дереве, которое играет со временем, как ветер с осенним листком.

Стократу приходилось слышал о людях, которые засыпали в лесу и просыпались, невредимые, через сто лет. Но ни разу он не слышал о человеке, проснувшемся за двадцать лет до того, как заснул...

Он стоял перед деревом, сжимая кулаки, готовый идти в таверну за топором. Ясень невинно шелестел листвой: я просто дерево, слепое и глухое, не знающее колдовства. Я бесхитростный ясень в темном еловом лесу, проверь это, ляг подо мной и усни опять...

Но Стократ не стал искушать судьбу.

Он съел кусок мяса с вертела, поблагодарил хозяйку и пешком отправился через лес – к «Серой шапке».

* * *

Он бродил по этой земле с отрочества. Много лет назад умирающий от дряхлости оружейник явился в приют, оглядел бельмастыми глазами стайку настороженных сирот и отдал тощему подростку зачехленный клинок.

Не сказал ни слова.

Позже Стократ понял, что старик с клинком спас его, по-

жалуй, от той короткой и полной ненависти жизни, на которую был обречен мальчишка-подкидыш. Его злили и раздражали люди – с тех самых пор, как не умел еще говорить, а когда подрос, в приюте его боялись даже взрослые. Он был лишен и страха, и сострадания, он презирал боль – свою и чужую. И вот он ушел в никуда с клинком под мышкой, без наставлений, без цели, без представления о добре и зле. Без куска хлеба, не готовый ни просить, ни работать, ни угождать, ни воевать.

Впервые от рождения он сделался счастлив.

Уже потом юноша обнаружил, что, размышляя на ходу, можно открыть новое, вспомнить простое и додуматься до сложного. Он прошел Обитаемый Мир из конца в конец и обратно. Клинок был при нем; никто не учил мальчика фехтовать, он сам, бродяжничая, научился.

Он продолжал учиться каждый день – у воды и земли, у своего меча, у добрых и злых людей; первого врага он убил, защищаясь, и очень испугался, увидев в посветлевшем клинке чужую искаженную душу. С тех пор он убивал только злодеев, но не потому, что думал о справедливости. И, конечно, не потому, что воображал себя мстителем; он просто знал, что душа невинно убитого посмотрит с клинка ему в глаза. А души убийц и насильников безглазы.

Как маятник в часах, он ходил, размышляя на ходу, иногда останавливаясь, чтобы послушать легенды о себе. Молва придумала ему прозвище: Стократ. Он стал звать себя Сто-

кратом. Надо же было как-то к себе обращаться в долгие часы путешествия; молва называла его могучим колдуном, и он с удивлением понял, что в самом деле, наверное, маг. А был ли он особенным от рождения, или подарок оружейника сделал его волшебником – он не знал и решил про себя, что не узнает.

Он многого не знал о себе, и вопросы, заданные тысячу раз, оставались без ответа. Подкидыш без родителей и опекунов, брошенный в лесу ребенок, он быстро учился, при виде человеческой тупости легко приходил в ярость, но сражался хладнокровно. И очень скоро оказалось, что среди бойцов ему нет равных.

Однажды ему заплатили за убитых разбойников, которые много лет держали в страхе три деревни. Он купил себе лошадь, и стало легче нагонять убийц, если они бежали. С тех пор он брал с крестьян плату, если ему предлагали, но никому из разбойников ни разу не удалось откупиться.

Пришлось разнообразить маршруты, чтобы не узнавали в лицо.

Шагая теперь через лес, Стократ думал, что где-то неподалеку бродит, быть может, мальчишка с тем же клинком. Способен ли мир носить двух Стократов одновременно?

– Так не бывает, – сказал он вслух.

За годы странствий он успел выяснить, что бывает – все. Бывает, время поворачивает вспять. Бывает, встречаешь в толпе себя-прежнего и соображаешь обернуться, когда что-

то менять уже поздно. Все бывает. Мир зыбок.

Мимо «Серой шапки» он прошагал, не останавливаясь. Погибших разбойников уже, конечно, нашли; может быть, юный конюх сумел всех убедить, что несчастные «передрались за добычу»...

Стоп, сказал он себе и сел на придорожный камень.

Нет никаких мертвых разбойников. Они живы. Самый молодой, наверное, еще ходит под стол пешком. И даже, может быть, их судьба сложится по-другому, не приведет в лес браконьерами, а потом и...

Он потер лицо и обнаружил, что щеки не колются – щетина превратилась в бороду. А что теперь будет с Мир?

Где она?

Он заставил себя встать. Зашагал на юго-запад, и через два часа повернул на развилке к переправе через Светлую – в сторону владений властителя Грана.

* * *

Справа на пригорке стоял дом, который он помнил пустым и заброшенным. Сейчас там горел огонек; Стократ присмотрелся. Огонек в столь поздний час мог значить, что хозяину не спится. Либо он болен. Либо подает кому-то знак.

Стократ привык чувствовать тревогу в оттенках, в запахах и звуках, в свете и тенях. Неторопливо, будто гуляя, он сошел с дороги и по узкой тропинке двинулся вверх, на гору.

Дом был деревянный, двухэтажный, верхнее окошко светилося. Он остановился у калитки. Прислушался; собак не было. Это плохо: в таком месте обязательно надо держать собаку.

Он легонько стукнул в створку молотком.

Там, за частоколом, приоткрылась дверь. Еле слышно скрипнула.

– Добрый вечер, – громко сказал Стократ. – У вас что-то случилось?

– Кто вы? – глухо спросила женщина. По голосу он понял, что она давно не спала.

– Колдун.

– Кто?!

– Меня зовут Стократ, я маг. Я могу вам помочь?

Женщина молчала.

– Что у вас случилось? – спросил он снова. – Если ничего – я уйду.

– Уходи.

Он повернулся и зашагал по тропинке вниз.

– Погоди!

Калитка завизжала засовами и загрохотала цепью.

* * *

Она была вдовой купца. Тот умер, не заплатив долги. Она продала дом в городе и переехала сюда: здесь не дорого жить,

но страшно. На самой границе владений Грана зимой до-саждают волки, летом браконьеры. К счастью, разбойников нет. Ходит дозором рубежная стража.

Все это Стократ частью услышал, частью домыслил; он стоял на пороге ухоженного, с виду зажиточного дома. Тем заметнее был беспорядок – брошенные тряпки, подсохшие лужи на полу, опрокинутая корзинка с рукодельем. Женщи-на смотрела на него воспаленными, глубоко запавшими гла-зами:

– Ты правда колдун?

– Да.

– Ты поможешь мне?

В ушах Стократа болезненно аукнулось: «Ты поможешь нам? Ты ведь можешь нам помочь?!»

– Что у тебя случилось?

– Идем...

Он вытер сапоги о половики у двери. Ступая по чисто вы-мытым ступенькам, поднялся за ней на второй этаж.

На постели лежал младенец, завернутый в одеяло. Сто-крат остановился, озадаченный.

– Я нашла ее в лесу, – сказала женщина.

Стократ нахмурился.

...Я нашел его в лесу, сказал бродяга в приемной воспи-тательного дома. Какая-то сука выкинула на погибель, нет, чтобы в приют отнести! Вот, возьмите, он живой еще...

– Господин? – с беспокойством спросила женщина.

– Подкидыш, – повторил он со вздохом. – Хочешь, чтобы я отвез ее в воспитательный дом?

Женщина странно на него поглядела. И развернула одеяло. Маленькая девочка, не больше месяца от роду, проснулась и жалобно запищала.

Стократ смотрел на нее, чувствуя, как дыбом поднимается борода. Младенческая кожа была покрыта тончайшим рисунком – плечи, грудь справа; Стократ зубами стянул перчатки. Поглядел на свои руки, не решился коснуться:

– Поверни ее.

Женщина перевернула младенца, и Стократ увидел детскую спинку. Крохотные земли Гран, еще целый Выворот, Лесной Край, Лысое Взгорье...

– Ты видишь, она плачет! – закричал шепотом, чтобы не напугать ребенка, чтобы сильнее не испугаться самому. – Накорми ее! Дай воды!

– Я не брала бы ее, – невпопад ответила женщина. – Я растерялась... Но она лежала прямо на земле... Она больна? Это заразно? Что с ней? Ты знаешь?

– Где ты ее нашла? – безнадежно спросил Стократ, глядя, как женщина пытается утешить ребенка тряпицей с жеваным хлебом. Девочка не хотела это есть и, наверное, не могла. – Послушай, где можно найти кормилицу?

Он различал стороны света просто и естественно, как верх и низ, ему не нужны были ни солнце, ни звезды. Вдова, по ее словам, нашла девочку в лесу – слишком далеко от человеческих поселений.

Может быть, злые люди похитили ее, а потом оставили? Зачем похитили, зачем бросили, обрекая на смерть? Стократ не верил в беспричинную человеческую злость – только в корысть и своеволие. Да еще в трусость.

Любвеобильная девица спрятала в лесу свой позор? Но зачем было идти далеко – оставила бы у дороги, и совесть, глядишь, не так грызла бы, ведь прохожие не дадут младенцу пропасть...

Он шел через нехоженный лес – туда, где, по словам вдовы, она нашла ребенка.

– Там было что-то? Записка, пеленка?

– Там... было.

– Что?

– Посмотри сам.

– Ты это там и оставила?!

– Посмотри сам...

Голодная девочка плакала, не давая женщине спать, не давая Стократу спокойно думать. Вдова пообещала найти кормилицу в ближайшем поселении. Но только, когда Стократ

вернется.

Мир, думал Стократ, вспоминая голые пятки, торчащие из-под одеяла. Кто назвал тебя – Мир?

И что изменится, если назвать тебя иначе? Роз, например. Или Пышка. Или...

Он остановился.

Вот место, о котором говорила вдова. Глубокий мох, и на нем не то пух, не то вата. Женщина говорила: я нашла ее в тонкой тряпице, которая потом расплзлась по нитке. И еще там был пух. Откуда? Не знаю. Будто выпотрошили дорогую перину, и тончайшим пухом покрыли землю и мох. Лучше бы кошелек оставили с парой монет, бессердечные негодяи.

Стократ огляделся. Удивительно, что первой на младенца наткнулась вдова, а не волчица. Или волки были здесь? Чуть дальше, на склоне, можно различить на песке следы волчьих лап...

Он принялся. В лесу пахло горелым. Не очень свежий запах, но и не очень старый.

Костер? Нет. Едкий, нехороший привкус странного дыма. Откуда?

Скоро он понял.

Пять молодых сосен лежали звездочкой – верхушками в разные стороны. У вывороченных корней чернела сажей яма; на дне громоздилось нечто вроде железной печки с отломанной трубой, с вырванной заслонкой. Изнутри печка была наполнена белым, едва тронутым гарью пухом.

Он не хотел подходить близко. Потом все-таки подошел, перелезая через корни. В глубине железной печки прятался свиток, похожий на древнюю карту.

Стократ, задержав дыхание, сунул руку туда, внутрь. Вытащил свиток и развернул его на колене.

Это вовсе не была карта, хотя очертания ткани повторяли абрис Обитаемого Мира. Это был рисунок, вернее, череда рисунков и знаков.

Послание.

В своих странствиях он научился не только читать по губам, не только понимать чужие языки. Он легко мог собрать из осколков разбитую вазу, кувшин или статую, он различал смысл всюду, где видел малейшую связь. Только он, наверное, из всех живущих и мог прочесть это письмо.

Подарок, говорили знаки, похожие на крохотные детские рисунки. Мир. Жизнь. Дыхание. Помните – ваш мир смертен, но...

Стократ не сумел дочитать: свиток распался пылью у него на коленях, и восстановить послание из пыли не сумел бы самый быстрый ум. Стократ долго сидел на поваленной сосне, неподвижно, зажмурившись: ему казалось, только что он упустил что-то очень важное.

* * *

Огня в верхнем окошке не было.

Едва увидев дом издали, Стократ понял, что дело плохо, и бросился бегом.

Калитка стояла настежь. Стократ выхватил меч.

...Даже не разбойник, даже не браконьер. Прыщавый юнец, начинающий грабитель лихорадочно скидывал в мешок все, что видел – посуду, вышитые скатерти, статуэтки, содержимое шкапулок. Он пошел на дело в первый раз – очень нужны были деньги...

Стократ остановился в дверях. Он все никак не мог поверить.

Через миг парнишка заметил его и попятился, выпуская мешок:

– Ты... бери, ладно! Ты чего? Забирай половину... забирай все, ладно!

За поясом у него торчал кинжал, плохо оттертый от свежей крови. Стократ молчал.

– Забирай! – парень отступал к окну. – А чего?

– Где она? – спросил Стократ.

– Она на меня напала! Она напала, у нее нож...

Парень замолчал навсегда. Из глотки его не вырвалось ни хрипа; он упал на свой мешок, заливая кровью монеты, безделушки и медную фигурку журавля с позолоченным клювом.

Стократ стянул зубами перчатки. Вытер клинок о куртку убитого. Спрятал в ножны, не глядя.

Пошел наверх, более всего желая никогда не подниматься

туда. Повернуться и уйти, и все забыть.

Мертвая вдова лежала у кровати.

Живая девочка, закутанная в одеяло, спала в гнезде у печной трубы. Она не проснулась, когда пришел убийца. Она не открыла глаз, когда вернулся Стократ.

Он взял ее на руки и долго держал, слушая, как она дышит. И как бьется ее сердце.

Он держал на руках свой Мир, заключенный в человеческую оболочку. Уязвимый, теплый, смертный мир.

И понятия не имел, что теперь делать.

* * *

– Кормилица? Да вот, в поселении у замка непременно кто-то кормит, там бастардов властителя рождается каждый год по десятку! Ну ладно, не по десятку, но кормилицу найдете. А что за младенец? Подкидыш? Ну и ну...

Страж в воротах был разговорчив и безобиден на вид, хотя Стократ сразу оценил и меч его, и манеру держаться. Такой в миг из болтуна превратится в воина; у Стократа немного отлегло от сердца.

Мир так опасен. Мир так хрупок. Мир.

Под гулками сводами он прошел в ворота, свернул направо, повинувшись чутью, и через несколько минут стучал в дверь крепкого маленького дома у внутренней стены. Ему открыла женщина в белой свободной рубаше, с младенцем на руках.

Услышав запах молока, девочка проснулась и раскричалась.

– А тощая какая, – недовольно сказала женщина, беря младенца на руки. – Где взял, старик?

Стократ удивился.

– В лесу, – ответил, не задумываясь. – Я не такой старик, молодка.

– Вижу, – она пристроила своего ребенка на кровати и взялась распеленывать девочку. – А седой, как лунь... Что же, в лесу дети на ветках растут?

Наконец-то развернулось одеяло.

– Кожа-то белая какая, как молоко, – удовлетворенно сказала женщина. – Твоя?

– Нет.

– Вижу, что нет, ты смуглый... А ладная какая девчоночка, красавица вырастет... Что стоишь?

– У меня есть деньги, – сказал Стократ. – Я могу оставить сразу... за несколько лет.

Женщина прищурилась:

– Это хорошо... А властителю что скажем? Откуда приплод, а?

Стократ пожал плечами.

– Ладно, – женщина засмеялась. – У меня этот пятый, а где пятеро, там и шестая, не пропадем...

Она вдруг весело подмигнула:

– Грану скажу – тоже его! Он счета не ведет, пока щед-

рый...

– Спасибо, – сказал Стократ.

– Как зовут ее? – женщина приложила младенца к груди, и девочка принялась сосать, будто сто лет не ела.

– Мир.

– Хм. Миранда? Мирабелла?

– Просто Мир, – сказал Стократ.

* * *

Выходя, он задержался на дворе у входа в замок. Оглянувшись, вытащил меч, воткнул в землю между корней чахлой березы:

– Стой здесь, пока не пойдешь на дрова. И каждый год в день смерти вдовы – плачь, убийца!

Клинок очистился и погас. Береза качнула ветками, будто пытаясь что-то сказать. Стократ спрятал оружие и направился к воротам.

Вчера он набрал в лесу белостайки и снегошвейки, и еще разных трав, о которых знал, что они отбеливают кожу. Выкупал девочку в отваре, бормоча заклинания.

Она сделалась белая, как земля, закрытая облаками. Но Стократ знал, что облака когда-нибудь разойдутся, и то, что известно ему, станет известно многим.

И он знал точно, что в этот момент будет рядом и не подпустит даже близко властителя Грана. Что никто не посме-

ет прикоснуться к Мир, что не будет ни пожаров в Лесном Краю, ни войны на Лысом Взгорье, ни девичьей комнаты, превращенной в тюремную камеру.

Я заберу ее из замка через пару лет, думал Стократ. Пусть только подрастет. Не носиться же мне по свету с грудным младенцем.

За эти годы я что-то придумаю, думал Стократ. В конце концов, человеческая жизнь тоже конечна. Почему мы так удивляемся, узнав, что конечен Мир?

До конца света еще много времени, думал Стократ. Еще пока она повзрослеет. Еще пока постареет. Я позабочусь о том, чтобы до последнего дня своего она была в безопасности, и никогда ничего не боялась, и была любима...

Он шел, впервые чувствуя облегчение, и не задумывался о том, что судьба не открывается никому.

Даже тем, кто вершит судьбу Мира.

II

– Где эта девочка теперь, что с ней стало?!

Потрескивал огонь. Внутри светлого круга было спокойно и тепло, снаружи, за границей света и тени, помещался смертельно опасный лес, и это был образ мира, понятный всем людям, но чужой для Стократа. У него не было теплого дома, он никогда не чувствовал себя в безопасности и никогда не боялся темноты.

– Она жива, – сказал Стократ. – Иначе мы с тобой не разговаривали бы... Сейчас ей восемь лет. Она играет с мальчишками, бегает, лазает по деревьям, этот ребенок совсем не похож на ту девушку, которую я помню... Я смотрел, как она возится на берегу реки, и каждую минуту у меня сердце лопалось: она может упасть в воду и утонуть. Свалиться с дерева и сломать шею. Лошадь может наступить на нее. Мальчишки, с которыми она играет, мастерят игрушечные мечи и могут ее поранить.

– Ты был на землях Гран? – спросила старуха.

Стократ кивнул.

Старуха восседала у огня – не готовила ужин, не подбрасывала поленья и даже, кажется, не грелась. Она сидела у огня, как будто светлый круг от костра был единственным местом в мире, где ее еще терпели; Стократ помещался по другую сторону костра на широком низком чурбачке. Носки

его сапог дымились, высыхая: весь день он шел по мокрому лесу, перебирался через болото, вброд переходил речушку. Старуха жила далеко от людей: отчасти потому, что не любила их. Отчасти потому, что они ее ненавидели.

– Ты хотел забрать девчонку, – сказала старуха.

Стократ кивнул снова:

– Хотел. И хочу. Мне очень хочется увезти ее... и запереть. Спрятать ото всех. Чтобы она жила одна в какой-нибудь берлоге, не видела никого, кроме меня, и так росла. Мне очень хочется обшить подушками стены ее комнаты, укутать девчонку ватой, связать ради ее безопасности... Когда я понял, как сильно мне этого хочется, я бежал оттуда сломя голову. Послушай: что же мне делать?!

Старуха долго молчала.

Когда огонь стал угасать, она положила на дрова полено, похожее на скрюченную подагрой черную руку:

– Создатель либо смеется над нами, либо сам не знает, что творит... Что за насмешка такая – записать судьбу Обитаемого Мира на коже одной девчонки!

Стократ посмотрел в небо. Искры летели вверх, но высокие облака делали небо непроницаемым.

– Зачем? – старуха сжала губы. – Что за проклятье?

– Мир – не проклятье.

– Неужели благословение? – старуха остро поглядела на него сквозь костер.

Стократ не ответил.

– Сегодня не видно звезд, – сказала старуха другим голо-
сом. – Тебе никогда не кажется, что сверху за нами наблю-
дают?

– Не кажется, – отозвался Стократ. – Я знаю это совер-
шенно точно.

Глава вторая

Звезды

- Командир, мы в зоне поражения.
- Продолжайте выполнять маневр.
- Есть, продолжаю...
- Командир, мы под огнем!
- Щиты к бою. Маневр!
- Пресвятая мать... Это конец...
- Щиты!
- Командир, у нас три пробоины... Командир?

* * *

- Слезай, купец.

Место для засады было выбрано превосходно. Впрочем, вся дорога через Гулькин лес считалась идеальным местом для ночного промысла. Двое впереди, двое сзади, поваленное дерево поперек тропинки – и все, кричи или не кричи.

- Слезаю, – пробормотал Репка, крепче упираясь в стрелена. – Уже, люди добрые...

Платок он всю дорогу сжимал в кулаке, и такая предусмотрительность спасла ему жизнь. Шерстяное полотнище с узором «гусиная лапка», с бахромой по краям, в полутьме

развернулось невидимо. Репка тряхнул платком, будто выбивая пыль.

Зазвенели, скрестившись, клинки. Четверо нападавших были вооружены – кто мечом, кто кинжалом, кто дубиной, и теперь сцепились попарно, не говоря ни слова, просто желая убить. Лошадь захрапела, вытягивая шею. Репка крикнул на нее и, чуть не выпав из седла, заставил развернуться.

Вперед дороги не было. Оставалась надежда, что он успеет проскочить развилку, пока эти четверо заняты друг другом...

А если повезет, они друг друга поубивают.

* * *

Ночью небо было ясное, безлунное, и Злой своими глазами видел битву звезд. Казалось, две звезды сорвались с неба, повздорили, и малая погналась за большой. Большая улепетывала к горизонту, но успела добраться только до верхушки высокой ели: малая звезда вдруг брызнула крохотной искрой, и большая лопнула, на секунду осветив все небо.

Злой затаил дыхание. Нечасто звезды устраивают битву; если бы это случалось каждую ночь, небо, пожалуй, скоро опустело, потому что звезды истребили бы друг друга.

Большая звезда рассыпалась осколками, и они полетели вниз, оставляя за собой красноватые дорожки, похожие на лепестки. Малая звезда рванула к горизонту и пропала из

виду. Злой еще немного постоял на поляне, глядя в небо, а потом вернулся к своему логову – плащ, расстеленный поверх сухого мха, и костерок с дотлевающими углями.

Ему хотелось разговаривать. Раньше, в приюте, он редко открывал рот: все было ясно без слов, а при малейшем затруднении в ход шли кулаки. А теперь ему хотелось говорить, хоть вокруг, в темном лесу, не было ни живой души.

– Меч, – сказал он хрипловатым неверным голосом, – а, меч?

Меч не ответил. Он лежал, укутанный мешковиной, надежно защищенный от росы и от чужих взглядов. Хотя кому смотреть, ведь у деревьев нет глаз...

– Меч, я видел, как дрались звезды. Одна убила другую. Звезды тоже ненавидят друг друга?

Меч молчал.

– Они дерутся за место на небе, – поразмыслив, сказал Злой. – Им тесно, правда?

Меч не ответил.

Злой засыпал угли, чтобы неровное красное свечение не мешало темноте. И чтобы никто не пришел из темноты на огонек. Лег на спину и посмотрел вверх. Звезды, светящие сквозь листву, и листва, сложенная в мозаику, вдруг показались ему буквами, и он без труда прочел:

– «Сто раз спрошу, промолчи в ответ, стократ дороже такой ответ...»

Он мигнул, и буквы пропали. Остались только звезды и

листья.

Он попытался вспомнить, умел ли видеть в темноте раньше, еще в приюте. Но приютские воспоминания сами были темны, и в воспоминаниях он не мог отличить ночь от дня. «Сто раз спрошу, промолчи в ответ, стократ дороже такой ответ...»

Куда упали осколки звезды? Куда ведут дороги на перепутье? Куда течет река?

– У кого я спрашиваю? – он заговорил с собой вслух и улыбнулся в темноте.

Спрятанное послание виделось в прожилках на каждом листке, в рисунке облаков и линиях на ладони. И особенно в узорах на рукоятке меча; казалось, жизнь вплетается в эти узоры и пьет оттуда смысл, как сухая губка воду. Все не напрасно, Злой зачем-то пришел на ту дорогу и зачем-то заночевал в лесу, это очень важно для мира, для звезд...

И, успокоенный этим знанием, он уснул.

* * *

– А кому похлебку горячую, здесь и сейчас, с морковью, с луком, с куриным крылышком! А кому похлебку горячую!

Репка опоздал. Торговали уже четвертый день. Солидные покупатели разъезжались, купцы разбрелись по трактирам. Молодая женщина сидела между двух костров, на которых медленно кипели котлы с похлебкой, и видно было, что

распродает остатки:

– А кому похлебку горячую!

Репка опоздал к началу ярмарки. И Проныры не было на месте.

Сначала Репка решил подождать – мало ли где бродит перекупщик. Потом заволновался. Потом пал духом.

Проныра уже три раза брал у него товар оптом – даже не открывая мешка. Платил хорошо. Сам, конечно, зарабатывал на Репкиных побрякушках многожды больше. Но и рисковал больше: распродавать в розницу добытый из святилищ хлам сам Репка никогда бы не решился.

И вот товар был, а Проныры не было.

– Похлебка с мясом и без мяса! Каша!

Репка вытащил из мешка тарелку и взял себе каши. Каша была вчерашняя, но от этого еще вкуснее.

Распрашивать насчет Проныры он боялся. Он вообще становился трусом во всех делах, которые касались людей: будь то разбойники или стража, купеческий союз или братство воров, или просто толпа на площади – Репка чувствовал себя жертвой. Лишний раз открыть рот было для него мучением.

Зато в лесу, где дикие звери, или в заброшенной гробнице, где враждебные духи, змеи или чудовища, он почти никогда не испытывал страха. Среди искателей запретного ему не был равных. Он давно бы с золотой тарелки ел, если бы не боялся до мокрых штанов, что о его похождениях узнают

люди.

Он насухо вытер тарелку корочкой хлеба. Масла в каше было едва-едва. И что теперь делать?

Его лошадь стояла у коновязи, утопив морду в мешке с кормом. Репка собирался, продав товар, сразу идти на постоянный двор, и там уже дать отдохнуть и себе, и лошади. А теперь все шло кувырком, потому что денег не было. Еще одна тарелка похлебки – и все.

Что бы такое продать без опаски?

Он отцепил от седла мешок. Сел на камень, осторожно развязал горловину, чтобы взгляд случайного прохожего не упал на содержимое. Сверху лежал кошель с дорожными мелочами: ни одна не годилась для продажи. На дне, завернутые в ветхую ткань, хранились статуэтки невиданных чужих богов – большеголовых, безглазых, бескрылых. И других – тонкошеих, глазастых, похожих одновременно на девушек и птиц. Репка брал только те, что хорошо сохранились, а говорят, любители-знатоки круглую сумму выплачивают и за обломки...

Только где найдешь этих знатоков?

Он снова завязал мешок. Погладил лошадь, та покосилась укоризненно. Далекий путь, опасности, ночные скачки. И чего ради?

– Подождем еще, – сказал он не то лошади, не то сам себе. – Может, еще появится.

Ныло железо в кузнице. Там, на углу у бочки с водой,

обычно маячил Проныра; теперь там стояли пирамидой чужие ящики с меловыми пометками «Пусто». От нечего делать Репка стал смотреть, как работает кузнец, как ковыряет в носу его ленивый подмастерье...

– Парень, убери лошадь.

Репка обернулся. Краснощекий носильщик, с бочонком на каждом плече, глядел на него снизу вверх:

– Здесь коновязь на время. Ты сколько тут уже торчишь? Убери лошадь, пройти нельзя!

По опыту Репка знал, что нельзя уступать людям, которые говорят таким тоном. Примут за робкого, а если не повезет – почувют истинный тайный страх, и тогда беды не миновать.

Он отвернулся, спорить не стал. Но и не сдвинулся с места.

– Тебе говорят или нет? Убери лошадь!

Носильщик взбеленился. Никакая ругань не могла оскорбить его сильнее, чем полное равнодушие.

– Оглох, да?!

Репка упрямо повернулся к нему спиной.

– Ну, погоди, – носильщик один за другим спустил на землю бочонки. – Я на тебя управу-то найду...

Он исчез – убежал куда-то в поисках управы. Репка коротко вздохнул и взялся отвязывать лошадь: в самом деле пора убираться отсюда, видно, несчастливый сегодня день...

Толпа заволновалась.

Трое конных ехали через рыночную площадь бок о бок

– в полном доспехе, с притороченными к седлам шлемами. Люди раздавались перед ними не испуганно, а скорее почти-тельно. Многие кланялись.

В центре ехал немолодой, сухощавый человек в тонких очках, похожий больше на ученого, чем на воина. Именно он, это было ясно без слов, командовал патрулем. Справа держался плечистый, угрюмый, с тяжелым взглядом. Слева – очень молодой, почти мальчишка, светловолосый, улыбчивый – будто нарочно, чтобы оттенить мрачность товарища.

Кузнец на время прекратил работу. Вышел вперед, вытирая руки о фартук:

– Заступники, чего-то поправить надо? Заточить?

– Спасибо, дядя, – низким басом отозвался молодой. –

Попозже чутка.

Кузнец низко поклонился.

– Похлебка, каша! – весело залилась стряпуха. – Заступники, горяченькое!

– Ма, а кто это? – спросила девочка с кошелкой у своей матери с баулом на плечах.

– Это же наши заступники, – женщина легко стукнула ее по затылку. – Большая городская стража. Я тебе рассказывала, а ты не помнишь, что ли?

– Эти?!

Всадники уже проехали мимо, когда прямо перед ними вынырнул, будто ниоткуда, давешний носильщик.

– Заступники, защитите! Чужаки обижают, землю захва-

тывают, как у себя дома! Лошадь он выставил... Морду воротит... Я Пенька, покойного стражника Летая сын, батя в бою погиб за нас, а они тут свои порядки...

Носильщик, казалось, тыкал пальцем Репке прямо в глаз, хотя между ними было несколько десятков шагов. Репка замер.

Воин, ехавший в центре, повернул голову. Его глаза за стеклами очков казались очень старыми.

– В чем дело?

– Да вот лошадь ему говорю убрать... А он мне в лицо плюет!

Репка задохнулся от такого вранья.

– Плевать на меня хотел, – поправился носильщик, – задом воротится... А это временная коновязь! Тут люди ходят!

Человек в очках поглядел прямо на Репку. Тот почувствовал, как в животе смерзается в комок съеденная каша.

– Убери лошадь, – сказал всадник, не повышая голоса.

И, не удостоив больше ни взглядом, продолжил свой путь.

* * *

Полночи и почти целый день Злой спал, и во сне рука его держала меч. Теперь запястье и локоть ныли, как после долгих упражнений.

Ему снился летающий дом, и люди в доме, и свеча на столе. В огромном зеркале отражались звезды, и тут же, в зер-

кале, светился огромный шар, подернутый облаками, парящий в черной пустоте. Во сне Злой без удивления смотрел на этот шар и видел на нем землю и воду, реки и горы, как будто карту Мира надели на бок огромной репы без хвостика. Приблизив лицо к зеркалу, Злой будто взглядом притянул к себе изображение и увидел Гулькин лес, огромное черное пространство, озеро – темную монетку, ручей, поляну, а на краю поляны себя – и проснулся.

Солнце давно миновало зенит. В лесу было светло и сухо. Злой несколько минут всматривался в листву над головой, но не увидел ни букв, ни особенного смысла.

Разминая ноги, он вышел на середину поляны. Посмотрел вверх. Это простое действие много лет казалось ему невыносимым: в приюте он начал бояться открытого неба. Он редко выходил из-под крыши, а, оказавшись снаружи, надвигал на глаза широкополую шляпу так низко, что мог видеть только клочок земли под ногами. Он был неуклюж в этой шляпе и выглядел забавно, однако никто не смеялся, потому что Злой был скор на расправу. И, если какой-то малыш говорил вдруг, забывшись, в его присутствии – «Посмотрите, звездочек сколько на небе!», – вокруг моментально возникало пустое пространство: упоминание о звездах и облаках могло отозваться в сумеречной душе Злого моментальной жадной насилия.

Теперь он видел сны о звездах. Мало того – он стоял без шапки и смотрел, запрокинув голову. Небо казалось мут-

ным, подслеповатым, и ветер приносил слабый запах дыма. Наглядевшись вдоволь и принохавшись, Злой вернулся к месту ночлега.

Клинок был длиной с руку Злого, если считать от самого плеча. И еще рукоятка; Злой рассматривал ее много раз, долгими часами изучал узор на чеканке, пытаясь прочесть все эти завитушки и сложные знаки, но пока не преуспел. Не всякое послание заключено в слова; понимают без слов птицы и звери, и звезды тоже ладят между собой – молча... Или потому и не ладят?

Злой улыбнулся. Вышел на середину поляны, поднял меч, глядя перед собой, воображая противника. Кем он будет? Разбойник в кожаных доспехах, душегуб в черном плаще, призрак, болотное чудовище?

– Меч, а меч, – сказал Злой вслух. – Я совсем не боюсь. Даже неба. Даже восставших мертвецов. Даже если их будет тысяча.

Меч покачнулся в руке. А может, Злой сам покачнул клинком. Разницы не было; Злой резко выдохнул, присел – и воображаемые противники заскакали вокруг него, как бешеные.

Он уходил от ударов, ныряя под клинки, и уклоняясь, и прыгая. Он редко парировал, понимая, что силы в тонких руках пока что мало, и тяжелый противник легко пробьет его блок. Он дожидался, пока соперник откроется, и всаживал меч в незащищенную подмышку, в щель между грудны-

ми пластинами, в отверстие шлема. Он колот, экономя силы, и рубил по коленям, и скоро сразил их всех – разбойников, душегубов, убийц и мертвецов. И остановился, тяжело дыша, на поляне, заваленной воображаемыми трупами, где исходила терпким соком растоптанная в кашу трава.

И только тогда, с облегчением вздохнув, он свернул и уложил в заплечный мешок свой сиротский дырявый плащ, укутал меч, приладил его за спиной и тронулся в путь.

* * *

– Речь идет о моментальном рейде, высадке, наземной операции и, если повезет, возвращении.

– Мало шансов.

– Капитан, у этой затеи изначально малые шансы на успех. На Мерцающей не работают биосканеры, его след невозможно будет найти.

На плоском экране медленно поворачивалась планета: один материк, округлый, с огромной бухтой на севере и пресным морем в центре. Один океан. Изображение то размывалось, то становилось четче, и ни проблемы с оптикой, ни помехи в сети не имели к этому отношения.

– Вероятностный фантом, – горько сказал человек у экрана. – Один такой маленький мальчик... и такая большая проблема.

– По крайней мере, мы точно знаем, что он еще жив, –

после паузы ответил его собеседник. – В конце концов, Мерцающая – великолепный полигон. Работа с Сетью приносит первые плоды. Возможно, ее удастся стабилизировать, и тогда...

Стоящий у экрана покачал головой:

– Ее никогда не удастся стабилизировать! Этот мир обречен... Я даю вам карт-бланш – сделайте все возможное, чтобы как можно скорее вытащить оттуда моего сына. Ради его несчастной матери.

* * *

К вечеру стало ясно, что Проныры не будет, идти в трактир не на что и сухарей в сумке осталось на один зубок. Выгоны за городом принадлежали разным общинам и обнесены были оградами. На самой опушке Репка нашел ничейный пятачок – земля здесь чернела старыми кострищами, трава была повытоптана и повыщипана. Здесь ночевали те, кто был либо очень беден, либо чудовищно скуп.

Вечно робеющий перед людьми, Репка устроился у самой дороги, у старого вонючего кострища, но не стал даже разводить костер. Погода к вечеру портилась, облака сгустились, а ветер усилился.

Он достал флягу с водой и последний сухарь. Мимо по дороге тянулись возы и фуры – разъезжались с ярмарки обитатели соседних сел, торопились попасть домой до полуночи.

Шли пешком усталые вору; Репка подтянул мешок поближе, зажал в ногах. Воры-то усталые, а оценивающий взгляд на себе он ловил не раз и не два.

Продать бы кому все скопом. Но опасно. Если покупатель поймает с товаром, да станут допытываться, а покупатель опишет Репку, как он есть – дорога загорится под ногами, любой патруль присмотрится да схватит. Вон, казнили в прошлом месяце расхитителя гробниц...

Репке стало жаль себя. Он в два счета догрыз сухарь и понял, что умирает от голода. Запах сырой рыбы, возникший невесь откуда, заставил его вздрогнуть.

– Дядя, у тебя тут можно костер разжечь?

Репка оглянулся – слишком резко и нервно для мирного поселянина на привале. В двух шагах стоял подросток, высокий и худой, безбородый и бледный. Первым делом взгляд Репки упал на рыбу – здоровенную рыбину, нанизанную за жабры на тонкую ветку. Парень держал ее чуть на отлете – чтобы не выпачкать чешуей штаны.

Потом взгляд Репки переместился на лицо парня. Странное лицо. Одновременно детское и взрослое, с неприятно-жестким и в то же время мечтательным взглядом. Репка никогда раньше не встречал таких лиц у мальчишек.

Не дожидаясь ответа, подросток подошел к кострищу у дороги и быстро, привычно, ловко даже для бывалого путника сложил, развел и раздул маленький костер. Щепки для растопки, мелкий хворост и даже поленья были у него заго-

товлены заранее.

Рыба лежала на заботливо подстеленных листьях лопуха.

– Парень, это ведь браконьерство, – рискнул сказать Репка. – Если ты ее поймал в общественной речке без лицензии...

– Поймал или купил на ярмарке, – парень равнодушно пожал плечами. – Покупать без лицензии можно?

Репка отметил про себя, что юнец совсем не боится людей. Ни община, ни власти, ни стражники не представлялись ему проблемой – мальчишка спокойно и уверенно объяснит свое право хоть егерю, хоть самому князю, и, что удивительно, егерь и князь признают за ним это право...

Рыболов тем временем готовил себе ужин. Репка заметил, что один бок у рыбы дырявый – как будто ее не выудили и не поймали сетью, а ткнули чем-то вроде остроги... или даже клинка. Взгляд его переместился на длинный сверток, который мальчишка носил за спиной, а сейчас снял и положил на вытопанную траву у костра.

Рыба, вычищенная и нанизанная на прутик, уронила на угли первую каплю жира. У Репки спазмом свело гортань.

– Неудачный день? – спросил мальчишка, не глядя на него.

– Вроде того, – признался Репка.

– Есть будешь?

– Хотел бы, – сказал Репка. – Но расплатиться нечем.

– Да ведь и я за нее не платил, – парень поднял лицо, осве-

ценное снизу углями, и вдруг улыбнулся. – Так что ешь, вот пусть только поджарится еще чуть-чуть... Чего ты боишься?

– Я? – Репка вздрогнул.

– Ага. Сидишь над своим мешком и боишься, боишься...

Что у тебя там?

Репка поскучнел.

– Не мое дело, – моментально отозвался парень. – Вот, возьми себе хвост, а я голову люблю.

Он разрезал рыбину ровно пополам, себе взял голову, Репке протянул хвост. Рыба шипела, истекая жиром, и на несколько минут Репка позабыл свои несчастья – только дул, жевал, снова дул, выплевывал кости, обсасывал хребет, облизывал пальцы...

Но рыба закончилась. Остался один только горелый хвостовой плавник.

– Спасибо, – Репка вспомнил о приличиях.

– На здоровье, – парень потянулся.

Вокруг почти стемнело. Вozy по дороге катили все реже и реже, люди у костров укладывались на ночлег. Треснул уголь в костре, посыпались в небо искры.

– Вчера я видел драку звезд на небе, – сказал мальчишка.

Репка осторожно хмыкнул.

– Ты мне не веришь? – не обиделся, а скорее удивился парень. – Ты сам никогда не видел?

– Нет, – признался Репка. И, помолчав минуту, добавил:

– Хотя кое-какие сказки слышал. Мол, звезды разбиваются

на небе и падают.

– Точно так, – парень глядел на Репку через костер, глаза у него странно блестели. – Думаю, если людей расспросить – многие расскажут...

Порыв ветра налетел со стороны поселка. Вспыхнул угасший было костер, фейерверком взлетели искры. Репка опасно посмотрел на небо: тучи были совершенно черны.

Снова нагрязнул ветер. Путники, изготовившиеся на ночлег, торопливо разворачивали промасленные пологи либо искали укрытие под деревьями на опушке. Спать не придется, уныло подумал Репка; а продал бы добычу, ночевал сейчас в трактире, сладко дрых под грохот дождя...

– Я пойду, – сказал парень.

– Куда?!

– Вперед. Куда глаза глядят.

– И... а кто ты такой, вообще? – вдруг заинтересовался

Репка.

Парень снова пожал плечами:

– Человек. Прозвали меня – Злой...

– Не похож на злого, – признал Репка.

– Это ты в приюте меня не видел... Ну да ладно, прощай.

И поглядывай на небо – звезды дерутся, это я тебе точно говорю!

Он забросил за спину свой сверток. А ведь точно там меч, подумал Репка. Надо же, мальчишка, ходит вот так и не боится...

– Эй!

Репка оглянулся.

Проныра собственной персоной скалил щербатые зубы. Один глаз у него опух и прикрылся сиреневым веком, зато другой глядел весело.

– Стоит пенек, на пеньке узелок, – заговорил скороговоркой, ухмыляясь и глядя куда-то в сторону, – зеленый, бордовый, на все готовый...

– Где же тебя носило?!

– Да я уже час сижу и жду, пока ты с сопляком тут... Принес?

* * *

Через полчаса хлынул дождь. Репка встретил его с опустевшим легким мешком, с легким сердцем и приятной тяжестью в кошельке.

Ну вот, все и стало хорошо. А было так плохо. А теперь – отлично. Осталось только прибиться куда-нибудь на ночлег, к теплему очагу и мягкой перине, высушиться, выпататься да и тронуться в путь, никого больше не боясь.

Лошади передалась его веселая уверенность, и она довольно бодро двинулась по стремительно раскисающей дороге. Еще через полчаса сквозь запах мокрого леса пробился дымный воздух жилья, впереди показался фонарь, привешенный к воротам, и прямо у ворот придорожного трактира

Репка увидел парня со свертком за плечами.

Парень шел мимо, явно намереваясь углубиться дальше в лес, а дождь тем временем лил, не утихая, вознамерившись лить до утра. Сверток вымок. Репке казалось, что сквозь тяжелые складки он может разглядеть великолепный клинок. Вот, украл его парень где-то, или с мертвого снял, или еще чего похуже...

– Эй, Злой!

Мальчишка обернулся – без страха, как и раньше. С интересом.

– Хочешь переночевать под крышей? Отблагодарю за рыбу!

– Брось, – мальчишка стоял, приподняв уголки рта, и дождь лился по его лицу. – Какие тут благодарности?

– Ну, просто переночевать, – сказал Репка уже не так спесиво.

– Дела твои получше вроде? – парень хитро улыбнулся.

– Ага. Иди под крышу, я заплачу.

– Ладно, – мальчишка кивнул, не смущенно, не угодливо, совершенно спокойно. – Если ты зовешь...

Репка слез с мокрого седла и загрохотал молотком в ворота.

* * *

Злому не составляло труда идти ночь напролет, и дождь

не причинял ему особенных неудобств. Но именно в эти минуты, проходя мимо постоянного двора, он думал о знаках и линиях судьбы. Хироманты читают судьбу по линиям ладони, звездочеты – глядя на звезды... А способен ли человек, идущий через дождь, прочесть судьбу в капельках воды, в шелесте листьев, в путанице незначительных, казалось бы, событий?

В этот момент его окликнули, и, еще не обернувшись, он узнал голос странного человека, с которым поделился сегодня рыбой. Человек еще у костра привлек его внимание: он был, конечно, вором, но необыкновенным. Особенным. И судьба его, как видно, должна была вот-вот совершить крутой поворот.

– Хочешь переночевать под крышей? Отблагодарю за рыбу!

Теперь этот человек был радостно-взвинчен, полон странного и не совсем чистого веселья. Злому сделалось любопытно.

И он вошел вслед за новым знакомцем под душную крышу, заранее чувствуя, что спать сегодня не придется.

* * *

Репке нравилось быть благородным. А сегодня он был благороден, как легендарный князь, потому что за рыбное угощение платил щедро, и главное – безо всякого принуж-

дения; на постоялом дворе собралась уйма народу – непогода сослужила хозяину службу. За каждым столом сидели, в каждом углу был расстелен плащ или тюфяк, а в центре восседали на высоких стульях трое «заступников» – так местные угодливо называли свою стражу.

Едва увидев их, Репка чуть не выскочил обратно под дождь. Пересилил себя, помогли остатки куража; мальчишка по кличке Злой покосился с удивлением.

Стражники, конечно, не помнили его и не заметили ужаса, который охватил его сегодня на базаре, когда сухощавый человек в очках велел убрать от коновязи лошадь. Всего-то одно слово сквозь зубы, а Репка чуть в штаны не напрудил... И сейчас они не смотрели на него – а у Репки тряслись колени. Это было стыдно.

Он нашел себе место на лавке под окошком. В закрытые ставни молотил дождь. Мальчишка расстелил сушиться свой плащ и уселся прямо на полу, на влажном дереве, подобрав под себя ноги. Он поглядывал на Репку с интересом: кажется, успел заметить его страх.

Репка разозлился. Он переступал порог, довольный собой, щедрый, богатый, а тут эти трое, как напоминание о позоре. О трусости, о вечном страхе перед людьми и властью. Вас бы, «заступники», запустить в те дыры, откуда я выходил живой и с товаром...

Его захлестнуло. Вспомнился последний храм-гробница, откуда он вытащил статуэтки древних богов: ядовитый зеле-

ный туман. Ловушки на каждом шагу, сгустки древней враждебной магии, да еще твари, отвратительные твари, засевающие в углах, выжидающие, когда ошибешься. С вас там живо слезла бы спесь, «заступники».

Ему вдруг захотелось, чтобы все в таверне увидели этих троих глазами Репки – никчемными людишками в ореоле льстивых взглядов. Не успев даже задуматься, он сунул руку в свой мешок и, привычно придерживая горлышко, нащупал внутри шерстяное полотнище с узором «гусиная лапка», с бахромой по краям.

Парень наблюдал за ним. Надо было как-то отвлечь его.

– Вот монета, – Репка протянул парню медяк. – Возьми нам по кружке... ну, спроси, что у них есть на такие деньги, и чтобы горячее!

Парень кивнул и поднялся. Репка дождался, пока он отойдет к стойке, и встряхнул пеструю ткань, будто сбивая пыль.

Ветерок пробежал по залу, и многие напряглись, почувствовав магию. Грянулась об пол и разбилась пивная кружка. Молодой стражник оборвал, кажется, шутку, которую рассказывал хрипловатым басом, и вскочил.

Его товарищ подпрыгнул, опрокинув скамью, и первым выхватил меч. Люди бросились во все стороны, завизжали женщины. Два меча скрестились над столом, за которым секунду назад выпивали друзья. А теперь, желая убить друг друга, бесновались враги. Репка вжался в стену и с опозданием понял, до чего рискованная вышла авантюра: мало то-

го, что мечи стражников обнажены в тесноте, так еще и среди путников мог попасться вооруженный. Хорошо хоть, что между мальчишкой и его мечом шагов десять, не меньше...

Люди кричали, прятались под столы, рвались наружу, проклиная стражников, которые напились и сцепились друг с другом, вот позорище, а еще «заступники»... Репка улыбнулся, пряча лицо. Ему сделалось хорошо, и в животе потеплело, как будто комок страха наконец растаял.

– Магия! – рявкнул сухощавый человек в очках.

Он выхватил меч всего на пару мгновений позже, чем два его товарища, но успел совладать с яростью до того, как ударил. Молодой и мрачный хрипели, наскაკивая друг на друга, собираясь убить, но никак не находя щелей в обороне; их предводитель вбросил в ножны меч, подхватил два дубовых стула и одновременно опустил на головы бойцов.

Они повалились слаженно, будто долго тренировали этот маневр. Один стул раскололся, другой выдержал.

Репка обмер, неприятно пораженный. Из-за стойки выскочил хозяин постоянного двора – борода торчком.

– Здесь маг! – из-под очков на хозяина уставились бешеные голубые глаза. – Здесь, сию секунду, колдовали на смертельную схватку!

Если бы предводитель стражи хотел специально подхлестнуть сейчас панику – он не выбрал бы слов точнее. Люди взвыли на разные голоса и, давя друг друга, бросились к двери. Репка, трясаясь, засунул ткань поглубже в мешок; парень

по кличке Злой невозмутимо поставил на лавку две дымящиеся кружки.

С интересом поглядел на Репку.

* * *

– Они подойдут от солнца, выйдут на орбиту над океаном и спустятся на расчетное место, точно по следам челнока. Сканеры, конечно, работать не будут...

– Отменяйте операцию.

– Что?!

– Это смешно. У них нет времени на адаптацию. Как они будут искать – расспрашивать местных?!

– У нас есть расшифровка речи с зонда. Речевая модель рассчитана, поэтому они в самом деле... могут обратиться к местным.

– Отменяйте операцию.

– Вы так легко отказываетесь от надежды?

Тень ночи напознала на единственный материк Мерцающей.

– Я не знаю, что делать, – сказал капитан. – Я не знаю.

* * *

Злой находил удовольствие, отыскивая связь предметов и

явлений. Что случилось? Стражники, мирно беседовавшие, вдруг бросились друг на друга с оружием, с явным намерением убить. Может, им подсыпали чего-то в питье?

Но зачем?

Дверь в кухню была приоткрыта. Злой увидел, как двое мальчишек, помогавших чистить репу, вдруг наскочили друг на друга с ножами. Хозяйский сын, здоровенный парень лет двадцати, схватил их за шкирки и растащил – но они все рвались в драку, не обращая внимания ни на чужую, ни на собственную кровь.

Глядя на них, Злой испытал мгновенное желание вытащить меч и наброситься на любого, у кого в руках сталь. Хоть на предводителя стражи, хоть на кухонного мальчишку. Будь меч при нем – пожалуй, и не удержался бы. Но меч лежал, спеленатый, под лавкой у окна, и Злой успел погасить в себе чужую волю.

– Здесь маг! – прокричал начальник патруля. – Здесь, сию секунду, колдовали на смертельную схватку!

Вот оно что, подумал Злой со все возрастающим интересом.

В обеденном зале творился ад. Его спутник, странный вор, сидел на скамейке, съезжившись, и прижимал к себе мешок, будто тот помогал ему греться. Правая рука вора была внутри, в мешке. Со стороны казалось, что он решил тайно обобрать сам себя.

– Я пойду, – сказал он Злому. – За ночлег заплачено. Оста-

вайся, если хочешь.

– Куда же ты пойдешь среди ночи?

– А тут что, поспать дадут?!

В обеденном зале тем временем сделалось свободнее – все, кто желал выйти, вырвались во двор. У порога возился, пытаясь встать, щуплый торговец, помятый в давке. Дверь стояла нараспашку, снаружи доносились ругательства и конское ржание. Внутри установилась относительная тишина: пьяные, сонные или наименее пугливые посетители тихо сидели у стен, а осторожные – под столами.

Начальник стражи бросился приводить в чувство товарищей. Первым зашевелился и сел молодой; глаза его смотрели в разные стороны. Угрюмый застонал и ухватился ладонью за край стола:

– Что это бы...

– Магия, – отрывисто бросил начальник патруля, и очки подпрыгнули у него на носу.

– Позору-то, – пробормотал молодой, ощупывая голову.

– Где маг? – прохрипел угрюмый.

Злой уселся на лавку и взял в руки горячую кружку. Настой на травах был, пожалуй, слишком сладок. Но согривал отменно.

Предводитель стражи цепко оглядел зал. Злой встретился с ним глазами, на миг заглянул за стекла очков, поразился силе и выдержке этого человека – предводитель был единственным в зале, кто одолел магию. Кто сохранил рассудок.

Я тоже одолел, тотчас же подумал Злой. Но у меня не было меча с собой, я не держал оружие в руках или на поясе. Интересно, что было бы, носи я меч открыто, как стражник? Бросился бы на предводителя, собираясь зарубить?

Его знакомец, странный вор, заерзал на скамейке. Предводитель стражи внимательно разглядывал его.

– Проклятый день, – угрюмый стражник с трудом поднялся. – Ушел наш маг, ищи ветра в поле...

Нервно заржала лошадь под окном.

– Найдем, – сквозь зубы пообещал молодой.

И положил руку на плечо предводителю. Тот вздрогнул и наконец оторвал взгляд от странного вора:

– Доложить надо. Далеко не уйдет...

Они вышли, грохоча сапогами, на ходу пряча оружие. Щуплый помятый торговец, едва вставший на ноги, отшатнулся с их пути. Злой явственно услышал, как выдохнул его знакомец-вор – будто человек, долго не дышавший.

* * *

Люди охотно верят в плохое. Кое-кто станет, конечно, говорить, что зловердный маг околдовал заступников – но верить будут тому, кто расскажет правду: «заступники» напились в трактире, обнажили мечи, напугали людей и чуть не поубивали друг друга.

Репка чувствовал себя превосходно. Страх, охвативший

его под взглядом из-под очков, был иным, нежели страх на ярмарке. Второй был страхом блохи, ничтожного создания, задетого дыханием власти. Первый – благородным страхом бунтовщика за минуту до гибели. И этот достойный страх вымыл из Репкиной души следы блошиного жалкого ужаса.

А потом, когда «заступники» удалились вдогонку за призраком – и страха не стало. Репка, еще пару часов назад неудачник и трус, поглядел на себя другими глазами.

Маг, говорили они. Это о нем, о Репке. Пусть вся его магия в куске материи, да еще кое в каких побрякушках – он маг, и о нем будут слагать песни. Репка жмурился, чувствуя, как чувство значимости распирает его изнутри, греет живот и наполняет горло.

На постоялом дворе все стихло. Перевязали тряпицами кухонных мальчишек. Распростились с отъезжающими, постелили тем, кто рискнул остаться на ночь, и в просторном обеденном зале послышался храп: комнат на втором этаже было мало, и путники, если они не были изнеженными дамами или очень богатыми купцами, ночевали по-простому, на полу.

Репка лежал в обнимку со своим похудевшим мешком, а рядом, руку протяни, лежал мальчишка в обнимку с мечом. И никто на всем дворе не знал, что там у него за меч. А может, и в мире.

Дождь прекратился. За окном светало.

Репка неслышно встал и пошел к двери – будто бы по нуж-

де.

Отправляясь на ярмарку, он устроил временный тайник неподалеку от развилки, в получасе езды от постоянного двора.

* * *

– У вас будет мало времени. Несколько местных дней.

– Да, капитан.

– Придется вступить в контакт с аборигенами. Текст отработан лингвистом и психологом. Вы должны будете воспроизвести его самостоятельно, дословно, включая интонации.

– Да.

– Отыщите торговую площадь, либо большое жилое помещение. Примерный смысл текста: «Обещаю великую награду всякому, кто укажет ребенка мужского пола, появившегося шестнадцать оборотов вокруг светила назад, без родителей, в разбитом небесном приборе».

– Я надеюсь, капитан, что текст выверен и сбалансирован.

– Это лучшее, что мы могли сделать. Еще: в глазах аборигенов вы не должны казаться слабыми или нерешительными. Если они откажутся отвечать – продемонстрируйте им силу.

– Да, капитан.

– Продай мне свой меч.

Злой удивленно обернулся.

Странный вор вышел из трактира под утро, но скоро вернулся – к его мокрым сапогам прилипла хвоя. Странный вор почти насильно угостил Злого завтраком и навязался в спутники, хотя Злой был пешим, а у вора имелась лошадь. Злой смутно чувствовал замысел, болезненный интерес со стороны вора, и был уверен: еще до полудня спутник объяснит, что ему надо.

Так и случилось. Они шли рядом, спутник вел на поводу свою лошадь с поклажей. Злой молча отметил, что поклажи прибавилось.

Потом вор предложил свернуть с дороги на неприметную тропку в лесу и, едва они оказались в лесу одни, заговорил о мече. Злой не удивился – он то и дело ловил взгляд спутника на своем свертке.

– Продай мне меч, хорошо заплачу.

– Не продается, – Злой улыбнулся.

– Дурак, тебя зарежут за него. Или арестуют. Не дело мальчишке таскаться по дороге с таким мечом.

– А ты откуда знаешь, какой он?

– Хороший, – вор уверенно кивнул. – Парень, признайся: эта штука не по тебе.

– Мне его подарили, – Злой все еще улыбался.

– Знаем, как такое дарят, – вор оскалил зубы. – Заметили бы – прибили вместе с подарком... Парень, пока я плачу за него деньги – давай, соглашайся.

Злой поразился, как изменился его спутник со вчерашнего дня. Из серого странного вора превратился в остролицего, с блестящими глазами разбойничка. Что его так изменило?

– Не соглашусь.

– Ну и дурак.

Вор накинул повод лошади на рогатку-сучок. Отстегнул от седла длинный сверток, стряхнул мешковину и вытащил оружие – простой клинок, какие носят стражники победнее и разбойники поотчаяннее. Вчера никакого меча у него не было, подумал Злой. Получил от сообщников? Взял в тайнике?

– Я мастер-мечник, – сообщил вор. Перехватил меч левой рукой, правая тем временем нырнула в хорошо знакомый Злому мешок, и на мизинце будто само собой возникло кольцо с бирюзовым камнем. – А ты? Докажи, что ты достоин носить оружие!

Злой легко – сказались многодневные тренировки – высвободил свой меч из пелен. Увидел, как загорелись глаза вора, когда тот увидел, что это за клинок. Вор вовсе не был похож на мастера-мечника – но когда принял стойку, поднял оружие и двинулся на Злого, тот понял по его движениям: спутник не соврал.

Злой попятился. Земля под ногами не была ни ровной, ни твердой. Хвоя впитала всю влагу длинного проливного дождя. Разойтись было негде – сосны обступали узкую тропу, как любопытные зрители.

Меч завертелся в правой руке вора, да так, что взвыл под клинком влажный воздух. Злой неприятно поразился: этот человек не должен так управляться с оружием. Неожиданная сила и ловкость не сочетались с прочими его повадками. Это было, как золотая щеколда в деревенском сортире; Злому, который умел видеть тайные связи, противоречие кололо глаз.

– Не хочу тебя поранить, – вор наступал. – Отдай мне меч. Я дам тебе денег... немного.

Злой пятился, выставив перед собой оружие. Он много раз побеждал полчища воображаемых врагов, но никогда не выходил против настоящего противника.

Вор, казалось, не знал усталости. Меч выписывал в его руке восьмерку, и было ясно, что он в самом деле не собирается ранить Злого, а хочет только напугать. Он добрый: мог бы убить в первую минуту поединка, но не желает зла упрямому мальчишке...

На мизинце его правой руки сверкал камень. Зачем человеку надевать перстень перед поединком на мечах? Да еще на правую руку?!

– Я отдам тебе меч, – сказал Злой.

– Умница. Положи на землю.

Клинок вора перестал вращаться. Злому сделалось холодно от понимания – если я умру, то прямо сейчас, между этими двумя мгновениями...

И он прыгнул вперед.

– Эй, щенок, накажу!

Злой изо всей силы отбросил оружие противника вверх, поднырнул под опасно сверкнувшую сталь и дотянулся до вора – самым кончиком меча.

* * *

Репка ничего не понял. Только что меч был легким и двигался будто сам собой – и вдруг рука одеревенела и клинок потянул вниз.

Потом брызнула кровь. Репка дрался без перчаток; он посмотрел на свою руку и увидел, что мизинец висит на лоскутке кожи.

Лоскуток оборвался, и мизинец полетел в истоптанную хвою. Вместе с ним полетело кольцо.

От вида крови перехватило дыхание. Мальчишка стоял перед ним, подняв меч.

– Пощады...

Он выпустил оружие. Кровь хлестала, заливая весь мир, и Репка не видел ничего, кроме собственной крови.

– Ты сам напросился, – после короткой паузы сказал мальчишка. Голос его звучал ровно и совершенно спокойно.

– Пощады...

– Да плевать мне на тебя. Живи.

Репка понял, что стоит на коленях, сжимая правую руку левой. Кольцо пропало, закатившись в хвою, зато отрубленный палец валялся здесь же, ужасно знакомый – и уже чужой.

– Тряпицу... Перетянуть...

– Эту?

Репка повернул голову. Парень держал его мешок в одной руке, а в другой – шерстяную ткань с узором «гусиная лапка».

– Нет! Только не...

Парень проницательно усмехнулся.

* * *

Эту ночь Злой снова провел в лесу и в одиночестве. Ночевка под кронами, в покое и сырости была в сто раз милее, чем сон на постоялом дворе, в дымной тесноте. Хотя, надо признаться, приключение вышло отменное.

Он помог вору-неудачнику перевязать руку. Не прикоснулся к его деньгам, но отобрал – несмотря на мольбы – шерстяную ткань с пестрым узором и кольцо мастера-мечника. В кошеле вора был еще какой-то хлам, наверняка волшебный, добытый из гробниц, но Злой рассмотрел его внимательно – и не стал даже брать в руки.

Хорошая штука это кольцо. Надеваешь на палец – и не

нужны тренировки, не нужен боевой опыт, и не нужна даже смелость. Становишься заколдованным бойцом, мастером-мечником, почти неуязвимым...

Почти.

«Половина безумцев, которые захотят с тобой драться, окажутся не бойцами, а колдунами-бездельниками, уповающими на волшебные предметы. Поэтому запомни один прием, который не раз спасет тебе жизнь...»

Злой отлично помнил, где вычитал эти строки. Давным-давно некто, оказавшись в безвыходной ситуации, разорвал пополам страницу из «Наставления мечника», третьего тома. Половину спрятал в пеленках младенца мужского пола, оставленного на ступенях приюта. Половину оставил себе, чтобы когда-нибудь, вернувшись, забрать из чужих рук своего сына и наследника. Обрывок страницы, вложенный в пеленки, бесславно пропал – самая плотная бумага бессильна против младенческой мочи. И когда через много лет полубезумный рыцарь явился со второй половинкой страницы – над ним только вежливо посмеялись. Рыцарь долго вглядывался в лица мальчишек, и многие наперебой пытались выдать себя за его сына, но отец никого не признал, плюнул, бросил смятую бумажку и ушел. А Злой поднял обрывок страницы, мятый и желтый от времени, спрятал за пазуху и временами перечитывал, и сгорал от любопытства: что же это за прием, призванный спасти жизнь в битве против мага?

И вот довелось узнать...

В приюте многие считали себя высокородными подкидышами и ждали, когда за ними явится властитель из чужих земель. Злой никого не ждал. «Хоть бы тебя к нам на порог подкинула эта сучка, твоя мать, – говорили няньки. – А то ведь бросила в лесу, как падаль. Оно и понятно: дрянь ты и злюка, кому такой нужен, и не сверкай-то глазенками, если глаза дороги».

Воспоминание пришло и ушло. Злой глубоко вздохнул, повернулся на бок и выкопал в земле неглубокую ямку. Положил туда кольцо мастера-мечника и засыпал сверху хвоей. Спи, глупая и бесполезная, нечестная и опасная вещь.

Он уже засыпал, когда на ясном небе ярко вспыхнула звезда. Злой протер глаза и сел.

Никогда еще звезды не опускались так близко. Эта, желтая и ослепительно-яркая, зависла над лесом и опустила вниз, как руку, конус света. Злой почувствовал странное беспокойство.

– Меч, – сказал он вслух. – Чего ей здесь нужно?

Звезда погасла. А через несколько мгновений содрогнулась земля.

* * *

Репке едва хватило сил, чтобы вернуться на постоянный двор. Здесь он заплатил за комнату (немыслимые деньги!), и

сын хозяина, молчаливый парень, заново перевязал ему руку. Хозяйка принесла отвар, полезный для раненых, Репка выпил до дна, и боль отступила.

Лежа на комковатой перине, Репка поражался превратностям судьбы. Был неудачником – стал вершителем судеб. Был вершителем – захотел большего – лишился всего... Нет, не всего, конечно. Пальца жалко. Но и палец-то был самый маленький.

Вот чего действительно жаль – так это ткани с узором в «гусиную лапку». Сколько раз она спасала Репке жизнь на ночных опасных дорогах... Проклятые «заступники», вот подстрекнут же невинного человека!

Он проспал почти сутки – и проснулся, когда внизу загрохотали тяжелые шаги и странно, с неизъяснимым ужасом заржали кони снаружи. Репке бы остаться в постели – но он, на свою беду, поднялся, выскользнул из комнаты и успел добраться до середины лестницы, ведущей в обеденный зал – когда входная дверь распахнулась...

* * *

Злой следил за ними всю ночь, шел через Гулькин лес, и они не видели его. Кажется, они вообще не видели в темноте.

Из какой гробницы, из какой тьмы вылезли эти чудовища? Злой видел только, как они поднялись из оврага: пять одинаковых тварей, закованных в белую чешую, с круглыми

полупрозрачными шлемами на головах. На шлемах не было прорезей, и непонятно, как эти существа дышали.

Их чешуя слегка светилась в темноте, поэтому Злой не мог потерять их, даже сильно отстав. Они шли, как солдаты на враждебной территории, как охотники в логове зверя – каждый держал наизготовку короткую толстую дубину. Они не переговаривались между собой и не обменивались жестами, но действовали на удивление слаженно. Иногда застывали, будто к чему-то прислушиваясь, и Злого не оставляло ощущение, что они все-таки говорят, только неслышно. Как звезды.

Чего они искали?

Выйдя на дорогу, они ускорили шаг и двинулись в сторону поселка. Злой, которого не оставляло неприятное предчувствие, почти бежал, чтобы не отстать. Он забыл об осторожности, и его могли заметить не раз и не два – но либо твари оказались подслеповаты, либо не смущались слезкой.

Они собирались миновать трактир, не останавливаясь, но во дворе, за изгородью, дико заржали кони. Злой никогда не слышал раньше такого ужаса в лошадиных голосах.

Твари в чешуе остановились, неслышно посоветовались и повернулись к воротам. Идущий впереди поднял свою дубину, и она плюнула не то огнем, не то звездным светом.

Запертые ворота рассыпались пеплом. Злой впервые за долгое время по-настоящему испугался.

Входная дверь в трактир не была заперта. Злой дождался,

пока пятеро войдут, и, прижимаясь к забору, кругом обежал постоянный двор. Накануне он приметил, где находится черный ход, ведущий с заднего двора на кухню.

К моменту, когда Злой выглянул в зал из-за огромной бочки, крики в трактире стихли. Оцепеневшие люди не могли сделать ни шага. Если это была магия, то очень, очень мощная; один из пяти в чешуе выступил вперед и снял свой круглый шлем без прорезей.

Его лицо оказалось почти человеческим, только кожа отдавала синевой, а из носа торчали какие-то трубки. Он заговорил хриплым голосом, но никто в зале не мог понять его слов.

Он говорил, кажется, по-человечески. Проскакивали понятные слова: мужской. Поворот. Солнце. Но в целом получалась чепуха: в шуме моря и то больше смысла.

Создание в чешуе повысило голос. Оно чего-то требовало, но даже Злой, любивший шарады и загадки, не мог понять, чего. Если бы послушать его подольше, час иди другой; если разобрать порядок чередующихся звуков – Злой бы смог, пожалуй, разгадать их смысл...

Потеряв терпение, создание в чешуе и без шлема вскинуло свою дубину и выпустило поток смертоносного звездного света вверх, в потолочную подставку для свечей, сделанную из тележного колеса. Сверху посыпался пепел, дико закричали люди...

Великолепная загадка, подумал Злой с сожалением. Нам

бы поговорить... Жаль.

И он встряхнул, будто избавляясь от пыли, пеструю шерстяную ткань.

* * *

– «Сто раз спрошу, промолчи в ответ, стократ дороже такой ответ...»

Вокруг говорили много и громко. Как будто дорога через Гулькин лес из уединенной разбойничьей тропы превратилась в улицу ярмарочного города.

– Стократ дороже такой ответ...

– Эй, мальчишка, что ты там бормочешь?

Злой поднял голову. Девушка лет восемнадцати, дородная и краснощекая, смотрела на него сверху вниз, с телеги.

– Ты там был? А? На постоялом дворе, когда все случилось? Ты там был, сам видел? А то эти все врут... Уже троих выслушала – все рассказывают по-разному, уже и не верю, что там вправду были лешие с круглыми головами... Или драконы? Были там драконы, а, малыш?

– Были и драконы, – сказал Злой.

Девушка сердито оскалила зубы:

– Делать нечего, только врать, да?

Вокруг постоялого двора бушевала толпа. Люди прибывали с каждой минутой. Очевидцы разбежались в панике – зато собрались зеваки, и теперь из уст в уста гуляли, обрастая

подробностями, обрывки чужих пересказов.

– Парень, парень, у тебя пепел на щеке... Ты правда там был?

– «Сто раз спрошу, промолчи в ответ, стократ дороже такой ответ...»

– Ты умом двинулся, что ли? – девушка разозлилась. – Что ты бормочешь?

– Стократ дороже такой ответ.

– Ты или чокнутый, или зануда, – девушка выпрямилась и подхватила вожжи. – С дороги, а то перееду!

Он попятился. Проводил телегу глазами. Девушка была симпатичная.

– Эй ты... Стократ! – она обернулась, махнула рукой уже без тени злости. – А если я у себя в деревне про драконов расскажу, мне поверят, как ты думаешь?

– Поверят, – он улыбнулся в ответ и неожиданно добавил: – А ты бы не спешила?

Но поздно: телега катила прочь, девушка начальственно покрикивала на пешеходов, и черная коса лежала на узкой спине поверх белой рубахи с широкими рукавами.

– Значит, Стократ, – сказал он, провожая ее глазами. – Спасибо. Хорошее имя.

* * *

Проныра долго ходил вокруг да около – явно не узнавал

Репку. Наконец недоверчиво подошел:

– Ты, что ли?

– Ага.

Вокруг шумела ярмарка. Репка на этот раз явился вовремя – к самому открытию.

– Э-э... – Проныра сочувственно пощелкал языком. – Видно, трудно пришлось в гробнице? Тварь какая-то на тебя выскочила, да? И, вижу, палец отхватила?

– Примерно, – Репка нехотя кивнул седой головой без единого черного волоска.

– Э-э... Принес?

– А как же.

– Вот молодец, – искренне похвалил Проныра. – Другие, знаешь, в эти гробницы дальше порога не суются, уходят в мокрых штанах. А ты... уважаю, одним словом.

* * *

Стократ сидел на берегу, разложив перед собой пеструю ткань, будто скатерть. В центре лоскута в «гусиную лапку» лежал большой камень, похожий на репу без хвостика. Стократ нашел его на берегу: он был покрыт мхом и мелкими трещинами, и, если присмотреться, можно было вообразить на нем карту Мира.

Рядом с камнем ровно, в ряд, располагались вещи, подобранные из пепла.

Оплавленный кусок металла с невиданным узором. Стократ точно знал, что в узоре есть смысл, но знал и то, что прочитывать его не сумеет.

Прозрачный осколок шлема без прорезей. Когда существа начали палить друг в друга из своего мощного оружия, их шлемы рассыпались осколками, будто горшки.

Пряжка чужой одежды. Единственный понятный предмет.

Еще оплавленные части целого, закопченные обрывки целого, кусочки мозаики, которую не сложить слабым человеческим разумом. Создания в чешуйчатых костюмах, в прозрачных шлемах, со смертоносными дубинами в руках оказались так же подвластны магии, как обычные городские стражники. Повинуясь движению вот этой ткани, они набросились друг на друга – и превратились в пепел...

Стократ посмотрел в небо. Звезды сияли в вышине, недоступные, неподвижные. С чего им вздумалось воевать? Неужели так тесно на небе?

Кем были создания в прозрачных шлемах? Чего хотели? Зачем явились?

– И ничего этого я никогда не узнаю, – сказал он с горечью, завершая цепочку невысказанных, и даже не продуманных до конца мыслей.

Он завязал ткань узлом – уголок к уголку – и опустил в самый глубокий омут, который был в этом озере.

III

– Я никогда не слышала этой истории, – сказала старуха и пошевелила палкой в костре. – Странно.

– Разве ты знаешь все, что когда-то происходило в Мире?

– Я не знаю всего, – она была явно чем-то обеспокоена. – Но... Хорошо, допустим, очевидцы не были особенно разговорчивы, и не рассказывали эту историю другим, и не пересказывали, придумывая от себя, и собиратели знаний из Высокой Школы не записывали ее на бумаге и не передавали в архив... Ты прав, всякое бывает, истории теряются, но мы не о том говорим...

Она посмотрела сквозь костер тревожно и требовательно:

– Может быть, девочке сшить крепкую сорочку? Надеть на нее кольчугу из легкой и прочной стали, чтобы ни острый камень, ни сучок...

– Восьмилетнюю девочку обрядить в кольчугу?

Старуха закусила темную сухую губу:

– Она растет... Кольчуга не поможет. Когда сама она, и все вокруг, узнают о ней правду...

– Вот этого я и боюсь, – сказал Стократ. – И говорю себе: лучше я буду держать ее взаперти, чем другие, расчетливые или жестокие, или глупые, или все сразу. Лучше я буду обораживать ее ватой, чем властитель Гран станет жечь и колоть, чтобы свести счеты с соседями.

– Лучше? – тихо спросила старуха.

Стократ сжал кулаки:

– А что делать? Ну вот что?!

И они снова замолчали, и молчали очень долго.

– Мир мерцает, будто солнце на поверхности воды, – сказала старуха. – Струится, как туман или зыбкий песок. Раньше мне казалось, что, постигая мир, осознавая законы и противоречия, люди способны сделать наше бытие понятным. Плотным, как ткань, твердым, как камень. Определенным, как древесный срез. Теперь я в этом не уверена. Время вытекает сквозь пальцы, жизнь заканчивается... и закончится раньше, чем Обитаемый Мир.

– Тебя это радует?

– Пугает. Я собиралась после смерти прорасти травой, бежать водой, вить гнезда на ветках – я собиралась остаться в Мире. И что теперь?

– Наш мир, может, и не самый лучший, – сказал Стократ. – Но в нем есть... вещи, которые не должны без следа исчезнуть.

Старуха молчала, и смотрела внимательно.

– Это случилось за год до того, как я в первый раз встретил Мир и заснул под вресенем, – сказал Стократ. – Уже отгорели пожары в Лесном Краю, но Вывор был еще цел... Мир шел восемнадцатый год, она жила взаперти, но я не знал об этом и тревожился совсем о других вещах... Слушай.

Глава третья

Язык

– Теперь покажите, чему научились. Того, кто лучше всех справится, буду учить дальше, а остальным – до свидания. Идите сюда, перед всеми открыто позорьтесь или хвалитесь, по заслугам и честь!

– Да уж, по заслугам, – пробормотал под нос унылый Хвощ. – Эх, чувствую, мать мне устроит учение...

Шмель молча поднялся на широкий помост, с которого обычно объявляли новости, а теперь здесь был выставлен стол – широкая доска на двух бочках, с вьёвшимися пятнами от пивных и винных донышек. Вереницей подтянулись и встали у стола шестеро ребят от двенадцати до шестнадцати, проучившиеся кто год, кто полтора. Шмель занимался меньше всех – восемь месяцев.

– Готовы? – учитель возвысил голос.

– Мастер, я язык обжег, – тихо сказал Плюшка. – И у меня нос сопливый. Нюх потерялся.

– Уходи. Зачем ты мне сдался с сопливым носом.

– Мастер, я просто язык обжег...

– Ну-ка, тихо все!

Толпа, окружавшая помост, притихла. Здесь были друзья и родственники учеников, братья и сестры, соседи и приятели. Отдельно, на вынесенном из трактира кресле, восседал

Глаза-и-Уши – личный княжеский советник. Он был немолод и сухощав, прозвище приросло к нему намертво, и настоящего имени никто не помнил.

Матери и отца Шмеля не было, конечно, у помоста. Там, далеко на перевале, они не могут оставить трактир; Шмель поежился. Отец отпустил его учиться с единственным условием: стать мастером, сделаться уважаемым человеком в Макухе. Ремесло языковеда отец не ценил, но положение в обществе – очень.

Все эти восемь месяцев Шмель не думал ни о чем, кроме учебы. Не гулял ни на одном поселковом празднике. Ни разу не просился домой, проведать родных. Тина, дочь хозяйина таверны, где Шмелю позволили жить, говорила: этот парень постигает языкознание, будто жених невесту в первую брачную ночь. Шмель не мог судить насчет невесты: он еще не целовался ни с кем. Он учился, как плыл в быстрой воде, боясь остановиться, и вот доплыл до испытания...

Лишь бы не подвел язык.

На столе стояли рядом простые керамические кувшины с узкими горлышками. Учитель поманил пальцем высокого Лопуха, старшего из учеников, уже взрослого:

– Какой?

Выбирать было особенно не из чего – кувшины казались одинаковыми, разве что чистили их в разное время и с разным усердием. Лопух указал на тот, что был с надтреснутой ручкой. Мастер плеснул в стакан густой жидкости тыквен-

ного цвета:

– Пробуй.

Лопух глубоко вздохнул. Принял стакан дрогнувшей рукой, поднес к губам, понюхал, раздувая ноздри. Смочил рот; вся площадь притихла.

Лопух глотнул смелее. Раздувая щеки, покатал жидкость во рту. На лице его было написано такое усилие, будто парень тянул из болота увязшего по уши осла.

– Ну-ка? – мастер решил, что времени прошло достаточно.

– Двигается, – обреченно сказал Лопух.

– Кто движется?

– Можно еще попробовать?

Мастер подлил ему жидкости из того же сосуда, парень набрал полный рот и так застыл. Девчонка, считавшая себя Лопуховой невестой, пробилась к самому помосту и глядела снизу вверх умоляющими глазами.

Наконец, Лопух шумно сглотнул.

– Ну-ка? – ровным голосом повторил мастер.

– Идет, – пролепетал парень, облизывая губы. – Он идет.

Шагает.

– Почти два года тебя учу, – сказал мастер с сожалением. –

Пустое дело.

– Нет, мастер, я понял – идет...

– Идиот! Смысл послания – «Дорогу одолеет тот, кто делает первый шаг»! Ступай, Лопух, домой, не позорь меня

перед людьми!

Девчонка-невеста закрыла лицо ладонями. Лопух переступил с ноги на ногу, будто очень важно было, правой или левой делать первый шаг – вспять, вниз, из учеников языковедов в батраки или лесорубы.

– Понимать – дело трудное, – мастер возвысил голос. – И не всякому дано! Я говорил и говорю: если таланта нет – зря только мучаться будет и позориться!

Всем своим видом подтверждая жестокие слова, Лопух наконец-то спустился с помоста. Шмелю было его жалко – но все заранее знали, что Лопух не пройдет испытания. Был он ленив и к обучению не способен.

Мастер обернулся к следующему ученику. Долговязый светловолосый Заплат долго выбирал сосуд, что-то бормотал, закрывал ладонью то правый глаз, то левый. Наконец, ткнул пальцем в кувшин на самом краю стола. Мастер налил ему прозрачной, как чистая вода, жидкости.

Заплат отхлебнул. Еще раз. Помолчал. Тупо улыбнулся:

– Ничего не понял.

– Иди, – сухо сказал мастер, и Заплат удалился, втянув голову в плечи. Он был странным парнем: иногда на него находило просветление, и он мог прочитать по вкусу самое сложное послание. Но если что-то упускал с самого начала – сразу сдавался. Вот как сейчас.

Шмель проводил его взглядом. Потом посмотрел на оставшиеся кувшины. Что внутри? В напитке, доставшем-

ся Лопуху, было изречение о дорогах. Цвет – тыквенный, скорее всего от цветка власяники, ингредиента, означающего «усилие», «преодоление». А вот полностью прозрачный напиток Заплата, скорее всего, содержал отрицание, потому что частица «не», как правило, отбивает цвет жидкости...

– Так-то вы их учите, – громко сказала женщина в толпе, и Шмель вздрогнул. – Балбесами выставляете, все-то вам не так. Нарочно, что ли?

Учитель, не обращая внимания на крики из толпы, кивнул Плюшке:

– Выбери.

Тот выбрал быстро. Шмыгнул носом, горестно покачал головой, разглядывая бледно-зеленое содержимое стакана:

– Учитель, я, наверное, и не пойму ничего. Язык обжег, нюх потерял...

Не такой безнадежный, как Лопух, и не такой малодушный, как Заплат, Плюшка пришел сюда, чтобы учиться дальше. Его причитания были фальшивы. Он играл на публику, заранее готовясь сказать: я мог бы в сто раз лучше, вот только язык... Он сделал все по науке: и ладонью провел над стаканом, и принялся справа налево, а не наоборот, и жидкость потрогал сперва кончиком языка, потом взял на губы, потом только набрал полный рот.

– Дерево не бежит, а стоит, – сказал уверенно.

– Какое дерево?

– Елка... Или ясьень. Ясьень стоит и не убегает.

– Попробуй снова, – устало велел учитель.

Плюшка напрягся:

– Это из-за того, что я запаха не чую...

Он чихнул, чтобы все видели, как он простужен, и снова отхлебнул от стакана. Сморщил лицо, как от кислого:

– Ясень... находится неподалеку.

– Будто и нет у тебя ни чутья, ни вкуса, – учитель мрачнел на глазах. – Сказано: ясень – не заяц, от топора не убежит!

Что ты мне плетешь, я-то на тебя надеялся!

– Это из-за того, что я...

– Тихо! Постой пока... Вы двое, выбирайте!

Двенадцатилетние близнецы Окра и Бык одно время были любимцами учителя – языки у них были на диво чувствительные. Правда, в последние месяцы мастер охладел к ним, потому что мальчишки увивали от скучной и трудной учебы, как могли. Сейчас, нарушая правила, учитель налил им в два стакана из одной бутылки. Жидкость была прозрачной.

– Собака, – первым сказал Окра.

– Собака, – эхом откликнулся Бык.

– Что – собака? – у мастера раздувались ноздри.

– Не зови собаку, покусает, – без тени сомнения выпалил Окра.

– Не зови чужую собаку, – подоспел Бык. – Покусает до крови!

– Врать вы мастера, – учитель оглядел обоих с презрением. – В послании сказано: «Не называй собаку овцой, а сви-

нюю короной». Идите домой, оба, видеть вас не могу... Ты! – он обернулся к Шмелю так резко, что тот подпрыгнул. – Будешь пробовать, еще позорить меня? Или домой вернешься?

Толпа вокруг шумела все определеннее:

– Дети в чем виноваты?

– Что же ты за учитель такой!

– Боишься, что ученик тебя за пояс заткнет? Потому и не учишь?

– Цену себе набиваешь? Некрасиво!

Многие, поднимая свой голос, нарочно оборачивались к креслу, где бесстрастно восседал Глаза-и-Уши: погляди, мол, донеси до князя, что за безобразие творит здесь мастер-языковед. Шум, в котором все яснее проступала злость, здорово мешал Шмелю, когда он принял в дрожащие руки стакан с кроваво-красной жидкостью.

Первое – запах. Пусть заполнит тебя изнутри. Ты все равно ничего не поймешь, зато настроишься на нужный лад... Никогда не говори, на что похож запах. Не сравнивай ни с едой, ни с цветком, ни с глиной, ни с выгребной ямой. Отпусти свой разум. Просто почувствуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.